

ТЭССА ДЭЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Муж СЕСТРЫ Адвокат для дьявола

Тэсса Рэй

Муж сестры. Адвокат для дьявола

«Автор»

2025

Рэй Т.

Муж сестры. Адвокат для дьявола / Т. Рэй — «Автор», 2025

Я успешный адвокат. Взясась за дело настоящего дьявола в обликии мужа моей сестры. И его поместили под домашний арест... в моей квартире... ♦•.....♦•.....♦• — ...обвиняемый помещается под домашний арест по месту прописки сроком на три месяца... Дальше я не слушала. Голос судьи растворился в нарастающем гуле в ушах. О, нет, нет, нет! Только не это! Стук молотка вывел меня из оцепенения. Голоса кругом словно рой пчел. И сердце kloкотало в районе горла. И этот взгляд! О, он способен пробирать до мурашек: два тлеющих уголька с поволокой похоти.— О, пупсик, как же так? — верещала моя сестра. — Ты же до сих пор прописан в нашей старой квартире, а там сейчас Рита живет! Как будто он этого не знает! Он же это спланировал. Обещал превратить мою жизнь в ад. И вот: действие первое. Он повернулся ко мне с торжествующей улыбкой, наслаждаясь своей мерзкой победой и сладко протянул: — Ну что, соседка? Поехали домой.

© Рэй Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

От автора	5
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	18
7	21
8	24
9	26
10	29
11	33
12	36
13	38
14	41
15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тэсса Рэй

Муж сестры. Адвокат для дьявола

От автора

!ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Книга содержит очень откровенные сексуальные описания, ненормативную лексику, а также темы, связанные с употреблением алкоголя. Все действия персонажей, являются частью художественного замысла; автор не пропагандирует и не одобряет подобные привычки.

—————♡♠♡—————

Второстепенный герой Артём Волков - персонаж из романа "[Дочь врага. Спасение и проклятие](#)" 1 часть и "[Невеста врага. Я тебя ему не отдам](#)" 2 часть.

Второстепенный герой Дима (брат-близнец главного героя) - герой романа "[Муж подруги. Необычное предложение](#)" и книги-бонуса по многочисленным просьбам от лица Димы "[Подружка невесты. Проклятие босса](#)".

1

– Рита, Рита, Риточка, помоги... Пожалуйста, помоги!

В трубке раздался искренний и надрывный плач моей сестры. Я невольно поморщилась. Я вышла в коридор. Дверь в зал суда с глухим стуком закрылась за мной.

Изумрудный твид неприятно царапал кожу. Я машинально одернула юбку, пытаюсь скрыть предательски дрожащие колени.

Проиграть это дело... да как это вообще возможно? Оно было настолько очевидным, настолько лежало на поверхности, что даже студент-первокурсник разбил бы доводы обвинения в пух и прах.

Значит, оставался только один вариант.

Не может этого быть! Подкуп? Грязный, банальный подкуп.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь унять бешеный стук сердца.

Как теперь объяснить коллегам, что я проиграла? Это же всего лишь незначительное дело. Интересно, что мне сказал отец, будь он жив?

– Рит, ты здесь?! Ты меня слышишь вообще, ты мне нужна! – рыдала взхлеб моя младшая сестра.

Что у нее приключилось на этот раз? Закончились деньги? В свои двадцать пять она ни разу не работала, зато успешно пользовалась безлимитной картой папы, а теперь – мужа.

Может, очередной дизайнерский наряд купили перед ее носом? Не может записаться на спа-процедуры или поругалась с мастером-колористом за не тот оттенок блонда и требует помочь ее засудить? Пройденный этап.

– Ренат, умоляю, что у тебя стряслось? Я только что из зала суда и...

– Систер, выручай, моего Рому забрала полиция! Прямо в магазине скрутила и увезла!

Я прислонилась к стене, пытаюсь устоять на ногах.

Рому забрали? Какая ирония!

Казалось бы, отличная новость. В мире будет меньше исчадий ада, гуляющих на свободе... Но отчего-то внутри всё похолодело.

Роман. Имя, от которого пробегали мурашки по спине. Единственный человек, которого я действительно боялась.

Его взгляд всегда проникал в самую глубину! Хуже рентгена; он видел не только мои внутренности и кости, но и душу.

Он не просто раздевал взглядом, он разбирал на молекулы. Он умел заставить меня почувствовать себя душой, даже несмотря на всю мою эрудированность. А мой словарный запас и вовсе улетучивался.

Нет, предупреджу ваш следующий вопрос – этот мужчина мне не нравится. Как можно испытывать симпатию к тому, кто вызывает такие чувства одним лишь мимолетным взглядом?

Я не просто не люблю его – я его ненавижу.

– Что... Что случилось? За что его задержали? – мой голос дрожал, почти как у сестры.

Вот, видите, его даже рядом нет, а меня уже трясет от бешенства. Вот такие эмоции он у меня вызывает.

– Я не понимаю! – всхлипывала Рената. – Что-то про мошенничество, подделку драгоценностей, жалобу покупателя и организатора выставки... Но это все неправда, мой пупс ни в чем не виноват!

"Пупс?" – мысленно взвизгнула я.

"Пупс" держал полгорода в страхе, контролировал все ювелирные магазины, считался лучшим геммологом страны и за её пределами.

"Пупс", который одним только взглядом заставлял меня всем существом сжиматься в комок.

– Систер, ну помоги! – сестра перешла на новый уровень завываний. Еще никогда не слышала от нее подобных звуков.

– Рената, успокойся! – я повысила голос, стараясь перекрыть рыдания в трубке. – Послушай меня внимательно. Мне нужны факты. Куда его увезли? В какое отделение? Кто ведет дело? Я позвоню в офис и пришлю кого-нибудь...

В ответ – лишь всхлипы и неразборчивое бормотание, среди которого я расслышала только: "Рома просил в адвокаты только тебя"

– Ч-что? М-меня?

Все другие адвокаты мира, вся эта армия дорогих, зубастых акул юриспруденции, и он выбирает... меня?

Шок сменился ощущением абсурда. Это какая-то ловушка. Или, что еще хуже, изощренный розыгрыш, поставленный с единственной целью – посмеяться надо мной, унижить меня.

Я прекрасно знала цену Романову. Он был хищником, расчетливым и беспощадным.

Такие как он не доверяют свои грязные делишки любителям. Он привык окружать себя только лучшими, самыми беспринципными, самыми дорогими.

И в том, что он предпочел меня, прочитывалось что-то зловещее, что-то, заставляющее кровь леденеть в жилах.

Это словно комплимент от самого дьявола. Я каким-то образом представляла ценность в его глазах. Не как сестра жены, не как объект для насмешек, а как... профессионал.

Не стану рассказывать, как это льстило моему самолюбию.

Сестра, казалось, абсолютно не воспринимала реальность. Паника свела на нет все попытки добиться хоть какой-то ясности.

Я вздохнула, понимая, что разговаривать с ней сейчас бесполезно.

– Хорошо, – сказала я, как можно более мягко. – Я сама разберусь. Оставайся дома. Не звони никому. Я свяжусь с тобой, как только что-нибудь узнаю.

– Спасибо тебе! Ты как всегда самая лучшая! Держи меня в курсе, ладно?

Я отключила телефон и нахмурилась.

Время не ждало.

Каждый час, проведенный обвиняемым под стражей, увеличивал риск катастрофических последствий.

Нужно было действовать быстро, включить профессионала, всё выяснить и постараться взять себя, чёрт возьми, в руки!

Я его не боюсь. Не боюсь!

Ну, разве что, совсем немного...

2

Я открыла телефонную книгу и нашла нужный контакт. Игорь Петрович. Старый друг отца, занимавший высокую должность в Следственном комитете. Я знала его с детства, и хотя после смерти отца их пути практически не пересекались, я надеялась, что он все еще помнит об их давней дружбе.

Звонок прошел практически мгновенно.

– Игорь Петрович, здравствуйте. Это Маргарита Золотова, дочь Анатолия Сергеевича.

– Рита? Боже мой, сколько лет, сколько зим! – в голосе Игоря Петровича звучало искреннее удивление. – Как ты, дорогая? Чем занимаешься?

– Все хорошо, спасибо. Все еще работаю адвокатом у папы в фирме. Игорь Петрович, мне сейчас очень нужна ваша помощь.

– Слушаю тебя внимательно.

– Моего зятя, Романа Романова, сегодня задержали. Мне необходимо узнать, где он находится и кто ведет дело. Рената, моя сестра, в совершенно невменяемом состоянии, я ничего не могу от нее добиться.

На другом конце провода воцарилась тишина.

– Романов, говоришь... Подожди минутку, сейчас посмотрю.

Я замерла, вцепившись в телефон. Тишина казалась нестерпимой. Наконец, Игорь Петрович снова заговорил.

– Да, есть такой. Романов Роман Сергеевич. Держат в ИВС. Дело ведет следователь Сидоров...

Он продиктовал мне номер дела и контактные данные следователя.

– Спасибо вам огромное, Игорь Петрович! Вы меня просто спасли!

– Не за что, Рита. Обращайся, если что. Но знаешь... Романов – фигура очень... неоднозначная. Будь осторожна.

“О, это я еще как знаю!” – подумала я, но вслух сказала: – Я знаю, с кем имею дело.

Я положила трубку и посмотрела на себя в зеркало. В отражении на меня смотрела девушка с бледным лицом и широко распахнутыми от испуга глазами.

Но страх – это роскошь, которую я сейчас не могла себе позволить.

Завела машину и выехала по адресу. С каждым километром тревога нарастала.

Рома... Дьявол во плоти. “Red flag”, как сейчас говорят. Я знала его много лет. Знала и ненавидела. И теперь мне придется его защищать.

Солнце нагло било в глаза сквозь тонировку, заставляя поморщиться. Я откинула козырек, надела солнечные очки.

Проигранное дело до сих пор давило. Не то чтобы я привыкла побеждать всегда, но это... Это дело было важным. Важным для репутации фирмы отца, важным для меня самой, в конце концов. И проиграно.

Телефон завибрировал, высвечивая на экране имя “Даниил Н.”.

Тяжело вздохнув, я приняла вызов.

– Привет, Рит. – В его голосе сквозила какая-то странная смесь сочувствия и торжества. Я невольно нахмурилась. – Наслышан, ты проиграла дело Кравченко.

– Да уж, об этом, наверное, уже вся юридическая северная столица гудит.

– Не переживай, Рит. Я уверен, там что-то нечисто. Судья какой-то подозрительный был, да и присяжные... Знаешь, уверен, что кого-то из них подкупили.

Я промолчала. Подкупили? Возможно. Но это не отменяло факта моего проигрыша.

– Спасибо, за поддержку, – сухо ответила я.

– Всегда пожалуйста. Слушай, а знаешь, кто звонил? Сказали, тебя срочно потребовал в адвокаты некий Романов. Так, погоди... Романов? – уточнил Даниил, будто невзначай. – Роман Сергеевич... Это случайно не твой зять?

– Он самый. Как раз еду к нему, – я старалась скрыть волнение, но чувствовала, как голос дрогнул.

– Вот как! – Найденев оживился. – Это даже хорошо. Его дело точно будет громким и интересным. Настоящий джекпот! Отличный шанс восстановить репутацию.

"Восстановить репутацию." Я внутренне скривилась.

– Думаешь? – Пробормотала я, посигналив подрезавшему меня лихачу.

– Уверен! Дело стоящее. А знаешь, кто уже взялся вести переговоры со стороны обвинения? Один мой приятель. Я могу с ним познакомить, если хочешь.

– Спасибо, Дань, я подумаю.

В машине повисла неловкая пауза. Я чувствовала, к чему все идет.

– Слушай, а у тебя какие планы на вечер? Может, сходим куда-нибудь? – робко предложил Найденев.

Я закатила глаза. Ну вот, началось.

– Ой, знаешь, Дань, у меня такой завал сегодня. Бумаги, отчеты, встречи... Боюсь, до ночи не разгребу.

– Ну, может, хотя бы на чашку кофе?

– Дань, прости, правда. Надо работать.

– Ну, ладно, – разочарованно вздохнул он. – Тогда увидимся в офисе.

– Спасибо. До завтра.

Я отключила вызов и раздраженно бросила телефон на соседнее сиденье.

Надоела навязчивость коллеги. Наши отношения не сложились, и я не вижу смысла настаивать на втором шансе. В который раз убеждаюсь, что служебные романы – всегда плохая идея.

Подъехав к зданию ИВС, я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Я должна быть собранной и хладнокровной.

В приемной меня встретил дежурный.

– Я адвокат Романова Романа Сергеевича. Прибыла для встречи с подзащитным.

Дежурный посмотрел на меня поверх очков.

– Подождите. Сейчас узнаю.

Он что-то пробурчал в рацию и жестом показал мне на стул. Ожидание тянулось мучительно долго. Наконец, дежурный снова подозвал меня к окну.

– Следователь Сидоров сейчас занят. Сможете встретиться с Романовым только завтра утром.

– Это невозможно! – я повысила голос. – Я требую немедленной встречи с моим подзащитным!

– Завтра утром, я же сказал. Все вопросы к следователю Сидорову.

Я почувствовала, как внутри все закипает от ярости. Они откровенно тянули время. Что-то здесь было не так.

– Хорошо, – сказала я, стараясь говорить как можно более спокойно. – Тогда я хочу подать официальный запрос на свидание с моим подзащитным. И зарегистрировать мой ордер на ведение дела Романа Сергеевича.

Дежурный неохотно протянул мне бланк заявления. Я быстро заполнила его и вручила обратно.

Выйдя из здания ИВС, я достала телефон и набрала номер Игоря Петровича.

– Игорь Петрович, здравствуйте еще раз. Это снова Рита.

– Что-то случилось?

– Да. Меня не пустили к Романову. Сказали, что следователь Сидоров занят. Чувствую, что меня просто разводят, как... школьницу.

Женщине-юристу, тем более успешной, трудно проявить себя. Мужчины не всегда готовы признать, что женщины тоже могут быть профессионалами в их сфере.

– Хм... Это странно. Я попробую позвонить Сидорову лично. Перезвоню тебе, милая.

Снова ожидание. Я чувствовала, как внутри разгорается паника. Что происходит? Почему мне не дают встретиться с Романовым?

Скоро телефон зазвонил.

– Рита, я поговорил с Сидоровым, – в голосе Игоря Петровича звучали стальные нотки.

– Он утверждает, что Романов передумал и отказался от твоих услуг.

– Что?! – едва не выкрикнула я.

Он, что, мать его, издевается?!

3

Утро выдалось на редкость мерзким, вторя моему собственному настроению.

Каждый шаг по гулким коридорам ИВС отдавался внутри неприятным эхом.

Комната для встреч с адвокатами. Боже, как я ненавидела это место! Спертый воздух, обшарпанные стены, ощущение безнадеги, витающее в каждом углу.

И он в этой комнате. Романов. Которого я ненавидела даже больше.

Одно имя заставляло внутренности сжиматься в тугую, ледяной комок. Роман Сергеевич Романов. Теперь официально мой клиент. И мой кошмар.

Сколько усилий мне стоило, чтобы добиться этого назначения! После его демонстративного отказа от моих услуг, мне пришлось приложить титанические усилия, чтобы убедить суд назначить его адвокатом именно меня.

Вдох. Выдох. Соберись, Рита. Ты – профессионал. Он – всего лишь клиент.

Сделав глубокий вдох, я открыла дверь.

Он сидел, развалившись на стуле, словно на троне.

Даже здесь, в этой каморке, сукин сын умудрялся выглядеть непристойно роскошно.

Дорогой костюм, сшитый на заказ, сидел идеально, подчеркивая широкие плечи. Легкая небрежность в виде двухдневной щетины лишь добавляла шарма его демонической внешности.

Уставшие, чуть прищуренные глаза, и в них – нескрываемая тоска... или скука?

Да, именно так. Дьяволу стало скучно в преисподней, и он решил спуститься на землю, примерив облик богатого и всемогущего Романова.

Внутри все похолодело.

Нельзя поддаваться. Нельзя показывать страх.

Дверь за моей спиной с глухим щелчком закрылась. Этот звук почему-то отчетливо врезался в память. Отрезая от мира, оставляя наедине с ним.

Медленно, очень медленно, он поднял голову.

Его взгляд... Он не смотрел, он сканировал. Оценивал, раздевал, проникал под кожу. Сальный, отталкивающий, и одновременно – завораживающий. Взгляд хищника, выбирающего жертву.

Он поерзал на стуле, будто разминая затекшие мышцы.

– Я в тебе не сомневался, изумрудик.

Быстро, почти незаметно посмотрела вниз – проверить, всё ли в порядке с моим изумрудным твидовым костюмом. Обожаю его в последнее время.

Поправила полы пиджака, словно это не жест от нервов, а тщательно выверенный элемент образа. Профессионализм – мой главный (и, к сожалению, единственный) козырь в этой игре.

Я прошла к столу, стараясь, чтобы каблуки не цокали слишком громко по бетонному полу.

Села напротив Романова.

Даже в этом убогом помещении он излучал ауру власти и опасности.

Внутри меня все клокотало, готовое вырваться наружу потоком праведного гнева. Хотелось сорваться, заорать: "Какого черта ты творишь?! Что это за цирк с адвокатами? Сначала требуешь меня, потом отказываешься! Ты вообще в себе?!"

Но я промолчала. Воспитание, профессиональная этика, самоконтроль – все это держало меня в узде.

Он, словно читая мои мысли, лукаво улыбнулся. Улыбка змеи, притаившейся перед броском.

– Злишься на меня, изумрудик? – промурлыкал он, в его глазах плясали черти.

Я чувствовала, как горячие пятна жара расплзаются по шее, поднимаются к щекам. Бесильная ярость душила. Но я сделала глубокий вдох, выдохнула, и выдавила из себя ледяной тон.

– Роман Сергеевич, – мой голос звучал отрешенно, словно я произносила заранее заученную фразу. – Меня зовут Золотова Маргарита Анатольевна. С этого момента я ваш адвокат и буду представлять ваши интересы в суде.

Слова звучали пусто, механически. Я не верила ни одному из них. Как я могу защищать человека, в виновности которого не сомневаюсь? Это противоречит всему, во что я верю. Но вот она я здесь. Перед ним. И сама не понимаю зачем это мне.

Его взгляд изменился. Самодовольная усмешка исчезла, сменившись странным, мрачным выражением.

В его глазах плескалось разочарование и... злоба. Не на меня лично, а на судьбу, на обстоятельства, на весь мир.

Хотя, вру. Немного и на меня. За мое упрямство. За то, что я вопреки его воле все-таки стала его адвокатом.

– Я искренне пытался этого избежать, Маргарита Анатольевна, – произнес он медленно, делая акцент на официальное “Маргарита Анатольевна”. – Теперь ты сама виновата.

Холодок пробежал по спине.

– В чём виновата? – спросила я, против воли выдавив из себя этот вопрос.

Он криво усмехнулся. В его улыбке не было ни капли веселья. Только горечь и безнадежность.

– Ты ввязалась в это, изумрудик. Добровольно, по собственной воле. Теперь я превращу твою жизнь в ад. Прости.

4

...Прости?

Что, блин, это значит?

Почему он так говорит? Если он так не хотел видеть меня в качестве своего адвоката, зачем вообще было настаивать, чтобы именно я им стала?

Эти вопросы готовы были сорваться с губ, но я успела их проглотить. Нельзя показывать свою растерянность, особенно перед таким человеком.

Я чувствовала его взгляд на себе. Тяжелый, изучающий, полный противоречий.

Он наблюдал за мной, как за редким, экзотическим животным в зоопарке. С любопытством и какой-то непонятной тревогой. Будто он заранее знал исход этой игры, исход, в котором проиграют все.

– Тогда обстоятельства были... хм... иными, – тихо сказал он, словно говорил сам с собой. – А теперь мы либо по уши в дерьме, либо... – он поднял на меня глаза, нахмурился и вздохнул, – ...а хотя нет, мы по уши в дерьме.

Он замолчал, опустил взгляд на свои руки. Медленно перебирал четки. Этот жест меня всегда в нем раздражал.

Фарс. Он, наверняка, ни разу в жизни не был в церкви. К чему этот идиотский аксессуар? Имитация религиозности? Или просто способ показать свою власть, свою исключительность?

Да, одним своим появлением он осквернит любое место.

– Итак, Роман Сергеевич, – я отбросила все лишние мысли и заговорила профессиональным тоном. – Как вам известно, вам предъявлено обвинение в мошенничестве, подделке драгоценных камней и их последующей продаже.

– Меня подставили, – как бы в шутку ответил он, с легкой усмешкой глядя на мою реакцию.

Он знал, что это ложь. Знали это и мы оба. Экспертиза уже была проведена, результаты – неутешительные.

– Сейчас я расскажу вам, что вас ждет в ближайшее время, – я достала из портфеля несколько листов бумаги и начала зачитывать, не поднимая глаз.

– Раз уж суд назначил меня вашим адвокатом, – я выдержала его насмешливый взгляд, – то я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам выиграть это дело и добиться вашего оправдания.

На этих словах Романов лишь коротко хмыкнул, словно сомневаясь в таком исходе. Но я не позволила его скепсису сбить меня с толку. Эта демонстрация безразличия только подхлестывала мою решимость доказать ему обратное.

В конце концов, даже дьявол нуждается в адвокате, а я – лучший из тех, кого он мог получить.

– Для того чтобы я могла работать, Роман Сергеевич, от вас потребуется полное сотрудничество, – мой голос звучал твердо, как сталь, – Во-первых, от вас необходима полная и правдивая информация обо всех обстоятельствах дела. Мне нужно знать все, от самых мелких деталей до самых грязных секретов. Не утаивайте ничего. Любая ложь, любое утаивание правды может стоить вам свободы.

Я сделала небольшую паузу, чтобы дать ему возможность осознать серьезность моих слов.

– Во-вторых, от вас потребуется полное доверие. Я понимаю, что вам трудно доверять кому-либо, особенно после того, что с вами случилось, но без доверия наша работа будет невозможна. Поверьте, я не преследую никаких личных целей, за исключением того, чтобы добиться вашей свободы.

Тишина.

– В-третьих, необходимо будет предоставить мне все документы и материалы, которые могут иметь отношение к делу: контракты, переписки, банковские выписки, показания свидетелей. Все что сможете найти. Да, нужно будет перевернуть все, но мне нужно что-то, за что можно зацепиться.

Я говорила это сухо, но твердо, желая не то чтобы обидеть его, скорее заставить работать лучше, предоставить больше информации и, самое главное, не врать.

– В-четвертых, вам необходимо будет выполнять все мои указания и рекомендации. Я понимаю, что вам привычнее командовать, но в данном случае командовать буду я. Если я говорю вам молчать – вы молчите. Если я говорю вам говорить – вы говорите. Понятно?

Я выложила свои требования, каждое слово – четко, как отчеканенное. Смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

Романов же, в свою очередь, смотрел на меня... странно. Словно видел впервые. Мой властный голос, мои требования, моё бесцеремонное "подчиняйся" – всё это, кажется, его забавляло и... возбуждало первобытное, хищное любопытство.

Он окинул меня скользким, похотливым взглядом, сверху вниз по изумрудному твиду, задержался на броши, скрепляющей ворот блузы, и, склонив голову набок, ухмыльнулся.

– Черт возьми, где в этом бесконечном списке требований упоминание, что я должен теперь называть тебя "госпожа"? – промурлыкал он.

Краска бросилась мне в лицо.

Я поправила брошь на блузке, стараясь вернуть себе контроль, сделать вид, что совершенно не поняла его вопроса. Но разве можно обмануть такого человека?

– Я думал, ты умная, но хорошая девочка, – продолжал он, не давая мне опомниться, – а ты... – присвистнул, – а ты еще и отстрапонить можешь!

За стеной послышался взрыв смеха. Ну, конечно! Нас прослушивали.

Все лицо залилось краской. Унижение жгло изнутри. Как он смеет так говорить?! Зачем? Зачем он меня так унижает? Наверняка, вся охрана сейчас выстроилась у двери.

С трудом собрав остатки самообладания, я выпрямила спину и, стараясь говорить максимально профессионально, сообщила главную новость.

– Мне, – я сделала акцент на "мне", – "хорошей девочке", – я намеренно выделила слово "хорошей", – удалось добиться от суда вашего освобождения под залог.

В мгновение ока его лицо преобразилось. Насмешка исчезла, сменившись неприкрытой радостью.

Он посмотрел на меня с видом "Я так и знал, что ты способная!". Словно все его предыдущие издевки были лишь прелюдией к этому моменту. Словно хотел услышать от меня именно это.

– И? – потребовал он с нетерпением.

– Вы должны являться на все назначенные судебные заседания. Если вы не появитесь хотя бы на одном, залог может быть аннулирован, и сумма будет конфискована.

– И? – повторил он с нажимом. – Сколько же я стою?

– Стоимость залога – пять миллионов.

Романов тихо хмыкнул. Поднял на меня глаза, в которых снова вспыхнул дьявольский огонек.

– Картой? – спросил он с наглой ухмылкой. – Или переводом?

5

Я с презрением наблюдала, как Романов, мой подопечный и, по совместительству, головная боль, с каким-то маниакальным удовольствием заполнял последние бумаги перед освобождением под залог.

Морда победителя, не иначе.

Он даже не выглядел человеком, только что проводшим несколько дней в предварительном заключении. Скорее, хозяином жизни, вернувшимся в свою стихию.

Харизматичный, самоуверенный, властный...

Казалось, будто заплатив эти пять миллионов залога, он купил не просто свободу, а всё это здание суда, всю систему законодательства целиком.

Пришлось признать, этот человек умел произвести впечатление.

Особенно на впечатлительных женщин, коих вокруг хватало.

Я, слава богу, давно переросла стадию пубертатного восторга перед обаятельными подонками.

Но даже мне приходилось признавать – Романов чертовски эффектен. И чертовски опасен.

Когда мы, наконец, вышли из здания, он неожиданно приобнял меня за талию.

Что за наглая фамильярность?!

Я тихо зарычала:

– Убери свои мерзкие грязные лапы. Сейчас же. Иначе я тебе их переломаю.

Он только тихо усмехнулся, даже не взглянув на меня.

– Расслабься, изумрудик.

– Изумрудиком будешь свою секретаршу называть. Убрал руку!

– Да брось, – его голос звучал приглушенно, почти ласково, но в этой ласковости чувствовалась сталь. – Они все смотрят на тебя, как на кусок мяса.

Мое негодование едва не вырвалось наружу, но он был чертовски прав.

– И твои угрозы не имеют веса, пока ты подсознательно знаешь, что не выполнишь их.

Я резко обернулась, готовая ответить, но он продолжил, не давая мне вставить и слова:

– Если ты возвращаешься в профессии среди мужиков и хочешь, чтобы на тебя смотрели как на равную, ты должна уметь по-настоящему всецело. Дать по роже, как мужик, и вырубить любого, кто посмеет усомниться в твоей силе. И когда ты будешь это знать, когда эта уверенность станет частью тебя, даже если ты никогда не применишь это на практике, поверь, ты будешь выглядеть по-другому в их глазах. А пока... терпи мою руку на твоей точеной изумрудной талии.

Он говорил тихо, почти шепотом, но каждое слово врезалось в память, обжигая ядом.

В его словах была какая-то болезненная правда, которую я, как юрист, не желала признавать.

Правда, выкованная не в залах суда, а в жестоком мире, где правит сила и цинизм.

Он знал, куда давить, чтобы задеть меня. Знал, как посеять зерно сомнения.

Я стиснула зубы, чувствуя, как закипает кровь.

Что ж, придется признать, Роман Романов, возможно, и мерзавец, но, похоже, мерзавец неглупый.

И опасный не только для закона, но и для моего собственного самообладания.

Стоило нам выйти за ворота, как я увидела, что мой верный “Фольксваген” грузят на эвакуатор.

Моему возмущению не было предела.

Как так, я, адвокат, человек, который по долгу службы защищает интересы граждан, стою и беспомощно смотрю, как увозят мою машину!

Не долго думая, я ринулась навстречу эвакуатору, щедро пересыпая свою речь юридическими терминами, ссылаясь на статьи и кодексы.

Я была уверена, что сейчас, одним лишь напором знаний, заставлю водителя ретироваться. Но не тут-то было.

Водитель оказался на редкость непробиваемым. Он спокойно выслушал мою тираду, пожал плечами и сказал, что ничем помочь не может.

– Раз вы представляете закон, – ухмыльнулся он, – пусть закон вас и защитит.

И мою машину увезли в неизвестном направлении, оставив меня в полном недоумении.

Я обернулась к Романову, ожидая хоть какой-то реакции. Но он стоял, как каменный истукан, с тем самым нечитаемым выражением лица, которое я уже начинала ненавидеть. Ни капли сочувствия, ни попытки помочь, ничего. Просто сторонний наблюдатель, получающий удовольствие от моей неудачи.

В этот самый момент к нам подъехал черный «Майбах», сверкающий полировкой.

Водитель, одетый в безупречный костюм, вышел и, обратившись к Романову на чистейшем английском, пригласил его в машину.

У меня буквально отвисла челюсть. Он что, нанял себе водителя-англичанина?! Да кто он вообще такой?

Романов, заметив мое изумление, лишь нагло ухмыльнулся.

– Маргарита Анатольевна, – произнес он, растягивая слова, – не желаете ли, чтобы я вас подбросил?

Меня охватил гнев. Я прекрасно понимала, почему он не помог мне с моей машиной. Он заранее знал, что предложит мне эту “услугу”.

Гребанный манипулятор!

Но погода была отвратительная – мелкий, противный дождь моросил, пронизывая до костей. Ждать такси не хотелось, и я, скрипя зубами, согласилась.

Салон машины оказался на удивление теплым и комфортным. Пахло дорогой кожей и каким-то терпким мужским одеколоном.

Села на заднее сиденье, стараясь держаться как можно дальше от Романова.

Но он, с наглой ухмылкой, уселся рядом.

Я буркнула свой адрес водителю по-русски, стараясь не смотреть на Романова. Но он, словно назвал, тут же перевел на безупречном английском, да так, словно жил в Мэйфэре лет двадцать.

Краем глаза заметила его брезгливый взгляд, когда услышал адрес. Конечно, старый район, бывшая квартира моих родителей... Он, как зять, прекрасно это знал.

Ему невдомек, что я сделала там суперсовременный ремонт и обожаю свою милую, уютную квартиру всем сердцем.

Пока мы ехали, Романову позвонила жена, моя сестра.

Еще и песня на входящий была: “Рома, Рома, Роман... мужчина всей моей жизни”

Я тихо хмыкнула:

– Как самодовольно! – и решила его поддеть: – Наверное, еще и во время оргазма собственное имя выкрикиваешь?

Он достойно принял шпильку и с легкой ухмылкой бросил:

– Я не выкрикиваю имён.

Ну, да, ну да...

– Пупсик, – проворковал он в трубку, да так слащаво, что казалось, он насмехается над самым обращением.

Сказал, что едет домой и через громкий динамик раздался восторженный визг моей сестры.

Романов повесил трубку и попросил водителя, опять же по-английски, прежде чем ехать домой, сделать несколько кругов, потянуть время.

Я усмехнулась.

– Счастливый муж не торопится к жене?

Он лениво и скучающе пожал плечами.

– Даю жёнушке возможность свернуть поскорее вечеринку, которую она устроила в мое отсутствие.

Я удивилась, насколько тонко и хорошо он понимает мою сестру. Рената обожала вечеринки, и он каким-то образом знал ее действия наперед.

И, казалось, был от этого не в восторге. Но ничем не выдал этого, просто я так почувствовала. Что-то в его интонации, в мимолетном выражении лица говорило о том, что он устал.

Наконец, мы подъехали к моему дому.

Выходя из машины, я бросила через плечо:

– Завтра утром жду у себя в офисе, Роман Сергеевич. И без промедлений, если хотите, чтобы я вам действительно помогла!

Он посмотрел на меня с дьявольским блеском в глазах. И медленно, словно нараспев томно промурлыкал:

– Слушаюсь, моя госпожа.

6

Сталинка, хоть и в старом районе Питера, совсем недавно приобрела новую жизнь. Фасад отреставрирован, лепнина сверкала свежей краской, подъезд благоухал чистотой и современными домофонами.

Да и моя квартира, точнее, доставшаяся от родителей, тоже не отставала.

Сестра отказалась от наследства, сказав, что ей не нужна старая развалина. Конечно, у нее и так все было хорошо: шикарный особняк мужа, слуги, светские рауты...

А я обожала эту квартиру, и этот уютный уголок, где каждый квадратный метр пропитан любовью и воспоминаниями.

Ремонт я затеяла сразу после получения наследства. Хотелось вдохнуть новую жизнь в эти стены, не разрушив при этом ауру тепла и покоя. И, кажется, мне это удалось.

Спальня – царство минимализма и комфорта. Большая кровать king-size с белоснежным постельным бельем, прикроватные тумбочки с лаконичными лампами, и, конечно, огромный шкаф-купе с зеркальными дверями, отражающими мягкий свет от панорамного окна.

Кабинет – моя маленькая крепость. Стены, выкрашенные в приглушенный серый цвет, деревянный пол, застеленный пушистым ковром, и огромный стол из массива дуба, за которым так и не получается толком поработать.

Окна в пол открывали вид на тихий питерский дворик, но, увы, большую часть времени я проводила в офисе, возвращаясь домой под покровом ночи, уставшая настолько, что хватало сил лишь на то, чтобы рухнуть в кровать.

Гостиная – просторное помещение с огромным П-образным диваном, обитым мягкой замшей, и широким телевизором во всю стену, который я, кажется, ни разу и не включала.

Предпочитала тишину и покой, возможность побыть наедине со своими мыслями.

А вот кухня-студия с барной стойкой была моим любимым местом. Здесь я могла расслабиться, приготовить что-нибудь вкусное, посидеть с бокалом вина и просто насладиться тишиной.

Скинув деловой костюм, я приняла душ, смывая с себя усталость и напряжение прошедшего дня. Накинула мягкий халат и направилась на кухню.

Достала из бара бутылку сухого красного, налила немного в бокал и села за барную стойку.

Вино приятно согревало изнутри, помогая хоть немного расслабиться после нервной встречи с Романовым. Он словно клубок змей – красивый, опасный и непредсказуемый... гаденыш.

Звонок раздался, когда я просматривала сайт фитнес-центра в поисках занятий по самообороне.

Аня. Неутомимая Аня, моя вечная палочка-выручалочка.

– Ритка, привет! Как ты там? Слышала про твое дело... не переживай, бывает. Давай-ка вылезай из своей берлоги, надо развеяться!

Я тихо хмыкнула. Даже люди, далекие от юриспруденции, уже в курсе моего “феерического” провала. Приятно, ничего не скажешь.

– Ань, ну куда мне сейчас? Устала как собака, да и настроения нет вообще.

– Подруга, тебе двадцать девять, а не восемьдесят! Какой там настрой, просто пошли. Надо развеяться, познакомиться с кем-нибудь... снять напряжение, в конце концов!

И тут я поймала себя на странной мысли. А ведь Аня права. Кажется, у меня и правда давненько не было секса. И если сегодня вечером подвернется возможность с кем-то провести ночь... почему бы и нет?

Да еще этот Романов со своим раздевающим взглядом до мокрых трусов, в чем я, конечно, никогда не признаюсь даже самой себе!

Надо выкинуть его из головы. Клин клином, как говорится.

– Ладно, уговорила, – сдалась я. – Куда едем?

– В «Арку», как всегда. Буду ждать!

Я вызвала такси и отправилась к шкафу.

Сегодня нужен максимальный эффект. Достала свое самое секси платье – облегающее, черное, с разрезом на спине. Никакого бюстгалтера.

Надела высокие каблуки, сделала яркий макияж. В зеркале на меня смотрела уверенная в себе, соблазнительная женщина. Почти забытая мною Рита.

Сегодня я буду блистать. И плевать на все проблемы.

◆●.....◆●.....◆

Рубинштейна встретила меня бурлящим людским потоком и огнями вывесок. В «Арке» всегда было шумно и весело, идеальное место, чтобы хоть на время забыть о проблемах.

Я сразу заказала свой любимый зеленый салат со строчателлой и бокал вина. Аня, как всегда, щебетала без умолку, засыпая меня вопросами.

– Ну, рассказывай, за какое дело взялась? И Найденова все-таки возьмешь в компаньоны?

Я скривилась. Этот назойливый коллега уже утомил своими ухаживаниями.

– Найденов? Ой, нет... на этот раз сама. Тем более, дело считай семейное.

Аня вздохнула, закатив глаза.

– Твой коллега – шикарный мужик! Ну почему ты не даешь ему второй шанс? Ну подумаешь, не смогла с ним кончить в тот раз... Мало ли, может, в следующий раз получится?

Я отмахнулась, стараясь пресечь этот разговор на корню.

– Ань, если нет искры, то и ждать ее не стоит.

– Ну, как знаешь...

В этот момент зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Я уже хотела сбросить, но что-то меня остановило.

– Да?

– Рита? Это Дмитрий Романов, я брат Романа.

Я опешила. Дима! Я видела его лишь однажды, на свадьбе сестры. Брат-близнец моего зятя. Как он вообще узнал мой номер?

– Дима? Здравствуйте.

– Я знаю, что ты занимаешься делом моего брата, и у меня есть пара вопросов. Но я понимаю, что это, возможно, не телефонный разговор. Могу я подъехать? Если это удобно для тебя.

– Эм... да, конечно. Я в «Арке» на Рубинштейна.

– Буду через десять минут.

Пока я пыталась осознать происходящее, Аня уже всю строила предположения.

– Кто такой? Новый парень? Почему не рассказывала?

– Нет, это брат Романова, – коротко ответила я. – Прилетел из Москвы.

Аня присвистнула.

– Ого! Интрига!

Дима приехал быстро.

Я увидела его еще в дверях. Он выглядел уставшим, каким-то даже потрепанным, с темными кругами под глазами. Совсем не таким лощеным и самоуверенным, как его брат-близнец.

Он нашел меня, подошел и вежливо поздоровался с нами, пожелал приятного аппетита и обратился ко мне:

– Можно присесть? Я не займу много времени.

Аня смотрела на Диму с отвисшей челюстью. Согласна с ней, он красавчик. Про то, что похож на брата-близнеца я, конечно, промолчу.

– Бурная ночка? – пошутила Аня, когда Дима еле сдержал зевок, прикрыв рот кулаком. Он тепло улыбнулся своим мыслям.

– Что-то вроде того.

Я толкнула подругу коленом под столом.

– Рита, я хотел узнать хоть что-то о деле брата. Он не отвечает на звонки, а я... мы с родителями волнуемся. Хотя бы пару слов.

В его голосе звучала искренняя тревога. Он смотрел на меня с сочувствием, словно понимал, в какой непростой ситуации я оказалась.

Я ввела его в курс дела настолько, насколько могла, стараясь не разглашать адвокатскую тайну. Рассказала о предъявленных обвинениях, о залоге, о ближайших планах.

Дима внимательно слушал, кивая головой.

– Спасибо тебе, Рита. Я понимаю, что ты не можешь сказать больше. Просто... спасибо.

Он снова извинился за беспокойство и, еще раз пожелав приятного вечера, ушел.

Едва он покинул нас, официант принес бутылку дорогого шардоне.

– Это от молодого человека, который сидел с вами, – сообщил он.

Аня взорвалась от восторга:

– Ритка! Да он просто бомба! Почему его не склеила?

Я лишь усмехнулась. Да, Дима был милым и приятным в общении, совсем не похожим на своего самоуверенного брата.

Опять я о нем подумала. Ну что за проклятье?! Нужно срочно найти клин и вышибить дьявола-Романова из головы.

И не только из головы...

7

Спешила в офис как ошпаренная.

Вчерашний вечер удался на славу: вина было выпито явно больше, чем следовало, танцы казались бесконечными, а в голове царил полный сумбур.

И я планировала подцепить кого-то?

Боже, да я за танцами и морем вина совсем забыла, зачем, собственно, и приехала в “Арку”.

В итоге уехала домой одна. Прямо так, в платье и с боевым макияжем, и свалилась спать на диване, обессиленная и растерянная.

Утром чуть не проспала. Напрочь забыла, что мою машину увез эвакуатор.

Красилась в такси, отчаянно пыталась умиротворить непослушные волосы, но все равно, подъезжая к офису, чувствовала себя потрепанной и разбитой.

В офисе меня поджидал Найденев.

Даниил с утра пораньше решил продемонстрировать все свои ухажерские навыки. Начал улыбаться, обхаживать, предлагать кофе. И меня это жутко раздражало.

Но тут в дверях появился Романов.

Сволочь выглядел безупречно: свежий, выспавшийся, в идеально сидящем костюме. Словно и не он вчера только вышел под залог, обеднев на пять миллионов.

И тут я вдруг решила что-то предпринять, чтобы хоть как-то задеть его равнодушие. Зачем? Не знаю. Наверное, мой не отдохнувший мозг, все еще находясь под интоксикацией и решил выйти из чата...

Я тут же притворилась, что с интересом слушаю коллегу, даже засмеялась невпопад над какой-то его шуткой.

Получилось глупо и натянуто. Но я надеялась?

Романов, с невозмутимым видом и искорками смеха, пляшущими в глубине его глаз, подошел к нам.

Представившись Даниилу, он протянул руку для рукопожатия.

Судя по мгновенной гримасе, искажившей лицо коллеги, руку ему пожали весьма ощутимо.

На лице Романова при этом сияла широчайшая, образцово вежливая улыбка.

Закончив приветствия с Найденевым, он повернулся ко мне, произнес тягуче, своим низким, бархатным голосом:

– Куда идти, моя госпожа?

Даня отреагировал на это обращение с явным раздражением, моментально ошестинившись.

Я сделала вид, что не расслышала обращения, и просто указала на дверь в свой офис.

Романов, не дожидаясь приглашения, проплыл мимо меня, зашел в офис, бегло осмотрелся и вальяжно расположился в кресле, предназначенном для клиентов.

– Тебе что-нибудь нужно? – не унимался мой коллега, явно задетый тем, что его игнорируют.

Романов, не отрываясь от телефона, лениво процедил:

– Да, будь добр, сваргань кофейку. Черный, без сахара.

Найденев едва не подавился от возмущения. Он явно расценивал ситуацию как личное оскорбление.

Но мой взгляд, в котором читалось недвусмысленное предупреждение, заставил его сдаться. Он вышел, бормоча проклятия себе под нос.

Я выпрямила спину, прошла за свой стол, поздоровалась с Романовым официально, насколько это было возможно, и включила режим "профи".

Романов окинул меня взглядом, в котором читались ехидство и предвкушение.

– Как вчера погуляла? – спросил он с явным намеком.

В голове сразу же промелькнула мысль: "Неужели Дима рассказал?" Но потом я решила, что всему виной мой далеко не свежий вид.

Я смутилась и незаметно выдохнула на руку, проверяя, нет ли запаха алкоголя. Но запаха не было. Тогда откуда он знает?

В офис вошёл Найденев, неся два кофейных стаканчика из кофемашины.

Моему подопечному он поставил черный кофе, как и он и просил, а мне – со сливками.

– Вот как ты любишь... – протянул он, глядя на меня с раздражающе щенячьей преданностью.

На морде Романова появилась ехидная ухмылка.

– Спасибо, Даниил Иванович, – вежливо поблагодарила я и добавила: – Дальше справлюсь сама.

Найденев понуро покинул помещение, метнув на мужчину напротив меня злобный взгляд.

Мы остались одни.

Романов взглянул на меня, его бессовестно красивое лицо оставалось непроницаемым.

Наконец, нарушив повисшую тишину, он взял кофе, сделал глоток, скривился и отставил его в сторону.

А потом оглядел меня с ног до головы и как бы между прочим бросил:

– Ожидал от тебя большего, изумрудик.

– Что, прости?

– Этот рохля, – он мотнул головой на дверь, за которой только что исчез Даня. – Он не твой типаж.

Я поправила воротник-стойку на блузке, стараясь скрыть дрожь в руках.

А потом с грохотом опустила папку с его делом на стол, посмотрев на него с пылающей ненавистью и презрением. Внутри все кипело, хотелось выплеснуть все накопившееся негодование.

Он пожал плечами, словно мои чувства его совершенно не касались.

– Просто высказал свое мнение.

А мне так хотелось выкрикнуть, куда он может засунуть свое мнение. Но я собрала волю в кулак, заглушила бушующий внутри ураган и начала рассказывать о том, что нам предстоит сделать, чтобы подготовиться к его делу.

– Роман Сергеевич, вас обвиняют в мошенничестве и подделке ювелирных украшений – подмене натуральных драгоценных камней и последующей продаже и...

– Дай-ка взглянуть на результаты экспертизы, – перебил он меня, не давая закончить.

Пробежав глазами по протоколу, он увидел, какие именно "драгоценности" использовались для замены настоящих.

– Гребаный любитель! – фыркнул он с презрением. – Сразу видно – дилетант! Если бы я реально занялся подделкой, то использовал бы... хотя бы тот же муассанит. Его на первый взгляд хер отличишь от настоящего бриллианта! А тут... – он махнул рукой в сторону злополучного списка и снова фыркнул. – Стеклашки!

Он был явно недоволен тем, что его так грубо и неумело подставили. И, кажется, еще больше зол на себя за то, что позволил себя обыграть. За то, что кто-то посмел подделывать его товар да еще и так бездарно.

– Кто этот кретин, решивший, что он гений подделок? – процедил он сквозь зубы. – Ублюдок замахнулся выше головы.

Я смотрела на него, стараясь не выдать своих мыслей.

И поймала себя на том, что... верю ему. В его искреннее возмущение бездарностью подделки. В его ярость из-за того, что кто-то, кто его переиграл оказался не таким уж и талантливым аферистом.

И тут в голове зародилась мысль. Идея, как использовать его слова в суде в его пользу.

– Ваше возмущение, Роман Сергеевич, можно использовать в качестве аргумента в вашу защиту, – медленно произнесла я, обдумывая каждый свой шаг. – Если вы предоставите суду экспертное заключение о том, насколько нелепой и дилетантской является подмена, это может сыграть нам на руку. Особенно если параллельно мы докажем, что вы обладаете достаточными знаниями и опытом, чтобы выполнить подделку на совершенно другом уровне.

Он поднял на меня взгляд, в котором читался неподдельный интерес.

– Интересная мысль, – задумчиво произнес он, барабанил пальцами по столу. – В этом что-то есть. Ты думаешь, это сработает?

– Это наш шанс, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Нам нужно показать суду, что вы не просто не совершали этого преступления, но и технически не могли его совершить в той форме, в которой оно представлено обвинением. Нам нужно доказать, что вы слишком хороший специалист, чтобы заниматься такой ерундой.

В глазах Романова сверкнул странный огонек.

Он склонил голову набок и оглядел меня с расплывающейся ухмылкой, от которой я начала покрываться мурашками.

– Не могу поверить своим ушам, – протянул он, наслаждаясь моментом, – вы только что сделали мне комплимент, Маргарита Анатольевна?

8

Мы плодотворно проработали стратегию.

Каждый пункт был выверен, каждая фраза – продумана до мелочей. Впереди нас ждала встреча со стороной обвинения, и от ее исхода зависело очень многое.

Я говорила четко, уверенно, стараясь донести до него всю серьезность ситуации.

– Слушайте внимательно, Роман Сергеевич. На встрече со стороной обвинения вы говорите только то, что я вам скажу. Никакой отсебятины, никаких импровизаций. Понятно?

– Абсолютно, – ответил он, но в его голосе не было уверенности.

– Вы должны четко следовать условиям залога, – продолжала я, стараясь не обращать внимания на его рассеянность. – Никуда не уезжать без моего ведома и ведома суда. Никаких сюрпризов. Я понятно выражаюсь?

Он кивнул, но его взгляд был прикован к чему-то за окном. Какое-то время он вообще не смотрел на меня. Он лихорадочно что-то строчил в телефоне, а когда телефон убрал в карман, то стал пристально смотреть в окно. Похоже было, что он что-то обдумывал.

Я вздохнула. Его безразличие начинало меня раздражать.

– Роман, – я сделала ударение на его имени. – У вас есть враги? Кто, по вашему мнению, мог перейти вам дорогу и желать усадить за решетку? У кого был мотив вас подставить?

Он хмыкнул, отводя взгляд. Казалось, он и сам не знал. Или, что вероятнее, не хотел говорить. У него явно были какие-то мысли на этот счет, но он не спешил ими делиться.

– Не знаю, – произнес он наконец, с каким-то странным оттенком досады в голосе. – У меня много конкурентов, завистников... Кому-то просто захотелось меня побесить.

Я почувствовала нарастающую тревогу. Что он скрывает?

– Роман Сергеевич, это важно. От этого может зависеть ваша свобода!

Он пожал плечами.

– Я сказал все, что знаю.

Я смотрела на него, пытаюсь разгадать выражение его лица. Но оно было непроницаемым, как маска. Я понимала, что давить на него бесполезно. Зная, что если он не захочет рассказать, то не расскажет хоть грози ему сроком хоть нет.

– Хорошо, – тихо произнесла я, чувствуя бессилие. – Будем работать с тем, что есть. Но имейте в виду, Роман, что если вы что-то скрываете, это может очень дорого вам обойтись.

– Ты думаешь, я не знаю? – грустно улыбнулся он, оглядывая меня с какой-то непонятной тоской. – Уже поздно, ты меня совсем выжала...

Он лениво взглянул на часы на запястье и присвистнул.

– Я хочу поужинать где-то, не хочешь составить компанию?

– Не голодна.

Я делала вид, будто сосредоточенно что-то ищу.

– Подбросить вас домой?

Я с тоской посмотрела на унылый дождь за окном. Сидеть в роскошном автомобиле было бы так приятно. Но общество Романова меня настораживало.

Он мог что угодно себе надумать. Второй день подвозить меня домой. Нет, хватит!

– Останусь немного в офисе, нужно кое-что доделать, – отчасти это было правдой.

– Я настаиваю.

Я подняла на него возмущенный взгляд. Да что он себе позволяет?! Я, в конце концов, не сахарная. Если и намочит дождь – ничего страшного.

– Нет.

Романов встал с кресла, одернул идеально сидящий пиджак и внимательно посмотрел на меня. В его голосе прозвучало предостережение:

– Будь осторожна, Рита.

– Вы тоже, Роман Сергеевич, – небрежно отмахнулась я, собирая бумаги в стопку и аккуратно раскладывая в папку.

Старалась не смотреть на него дольше секунды. Почему-то мое имя, произнесенное его голосом, отдалось по позвоночнику сладким жаром...

Домой доехала на такси, почти не помня дороги.

Заказала доставку еды по пути – желудок требовал хоть какого-то внимания после насыщенного дня.

Душ принес облегчение, но какое-то поверхностное, словно вода смыла только пыль, а не вьевшееся в кожу напряжение.

Я всё время слышала голос Романова. “Будь осторожна, Рита”

И, что странно, не то, что он говорил, а как он произносил моё имя. Это рычащее “Р”, эта тяжесть в каждом звуке...

Он обращался ко мне по имени не так, как это делали другие.

Представила, как он рычит мне на ухо.

Он как-то обмолвился, что никогда не выкрикивает имен, но в моей фантазии рисовалось иначе. Как он шепчет его, как заклинание. Опаляет жаром от его дьявольских глаз. Его губы... На его щеках эта грубая, мужская щетина. Его руки... сильные, жилистые... Всё это. Черт бы его побрал!

В спальне, с тихим вздохом, я разыскала свой вибратор.

Ощущая стыд от внезапно нахлынувшего возбуждения, будто предала саму себя этими незванными желаниями. Но в тот же момент почувствовала, как меня тянет к этому порыву. И сдалась.

Включила игрушку и опустила по животу вниз, в пижамные шорты.

От первого же прикосновения вибрирующего носика к чувствительной влажной коже едва не захлебнулась в ощущениях. Выгнулась дугой, скользя по простыне пятками.

– О, черт... – облизнула пересохшие губы и нервно рассмеялась. – Чтоб тебя, сукин ты сын!

О, это было хорошо.

Меня касался силикон, но в мечтах я представляла другое. В моих фантазиях его глаза хитро прищурены, он жарко дышит, когда произносит мое имя – “Рита”. Его руки повсюду, влажные губы и язык касаются моей кожи, самых чувствительных мест на теле...

Я раз пять сладко кончила, изводя себя до изнеможения, выжимая из себя все, что накопилось за долгое время.

Давно я не чувствовала себя удовлетворенной. И только сейчас поняла, как мне это было нужно. Хоть какая-то разрядка.

Напряжение сошло как по мановению волшебной палочки. Ха! Вибрирующей волшебной палочки!

А потом сон сморил меня, унося в царство забытья, где реальность переплеталась с фантазиями.

Но даже во сне я чувствовала это липкое, разъедающее чувство.

Вину.

Вину за то, что представляла его. Вину за то, что он – муж моей сестры.

Какой ужас. Какой позор.

И какое нестерпимое, тайное, почти греховное желание, которое я теперь не смогу просто так выкинуть из головы.

9

Сегодня я пришла в офис с удвоенной энергией. Оргазмы творят чудеса.

Со свежими мыслями уселась за стол, налила себе чашку крепкого кофе и вновь погрузилась в дело Романова.

Пыталась найти еще какую-то зацепку, новый угол, под которым можно было бы представить обстоятельства в суде. Понимала, что на одном аргументе нельзя строить стратегию.

Мне нужны были все клиенты, все чеки, все документы, подтверждающие покупки, вся история тех злополучных украшений, которые оказались подделками. Каждая деталь могла оказаться решающей.

Я настолько увлеклась, что совершенно потеряла счет времени. В какой-то момент меня словно ошпарили кипятком – Романова не было уже час!

Злая на себя за эту рассеянность, набрала его номер. Он ответил далеко не сразу.

– Да, моя госпожа? – промурлыкал он в трубку своим фирменным тягучим голосом.

На фоне послышался еще один мужской голос – какое-то ворчание.

– Ой, братан, не душни, – отреагировал Романов.

Потом какая-то возня, приглушенные голоса, и в трубке прозвучал уже другой голос – серьезный, но какой-то добрый, теплый.

– Рита, это Дмитрий. Я везу его к тебе в офис. Будем через пять минут. И извини за брата, что так получилось.

На том конце повесили трубку.

Через пять минут два брата Романовых действительно появились в моем кабинете.

Один из них, как всегда, великолепен в своей наглости, с искорками веселья в глазах и полуулыбкой на губах.

Второй, с трубкой у уха и с сияющей улыбкой остался разговаривать в коридоре. Я сразу поняла, что он говорит с любимой девушкой. Еще никогда не видела, чтобы мужчина так сиял...

Наблюдая за ним, я вдруг поймала себя на ощущении, что завидую этой счастливнице. Он излучал какое-то тепло, безмятежность и счастье, чего так не хватало в моей собственной жизни.

А напротив меня сидел сексуальный гад, из-за которого я потеряла сон и покой, и который как-то подозрительно на меня смотрел. Словно видел меня насквозь. Словно знал, чем я занималась этой ночью и кого именно представляла в роли своего любовника...

Я смутилась.

Ночная фантазия неожиданно накрыла волной стыда. И одновременно... не стыда, а какого-то странного, непонятного желания.

Хотелось еще. Хотелось повторить это безумие, хотя бы в мыслях.

Само осознание, что я, успешный адвокат с безупречной репутацией, позволяю себе думать такое о муже сестры, было абсурдно.

Но чем сильнее я отталкивала эти мысли, тем настойчивее они возвращались. Словно вирус, проникший в систему и не желающий сдаваться без боя.

Пока Роман неспешно пил кофе, который принесла ассистентка, я рассматривала его исподтишка.

Отмечала все новые и новые нюансы, ускользавшие от внимания прежде.

Он по-прежнему носил свои дурацкие четки. Никогда не понимала этой привычки. Всегда воспринимала их как дешевый атрибут напускной брутальности.

Но теперь я наблюдала за его пальцами, как они перебирали стекляшки, вертя их между пальцами с какой-то необъяснимой ловкостью. В этом движении было что-то гипнотическое, что-то, намекающее на скрытую силу, на умение манипулировать.

За чуть подвернутым вверх рукавом рубашки мелькнул кусочек черного узора. Татуировка на руке, которая обычно скрыта под безупречным белым рукавом.

Мне захотелось увидеть, как выглядит эта татуировка целиком. Что там изображено? Какой смысл он в нее вкладывал?

И тот факт, что она у него есть, как-то странно отозвался в теле. Это был новый штрих к портрету человека, которого я думала, что знаю. И этот штрих зажигал воображение, стирая границы дозволенного.

Это была новая переменная в моих фантазиях о нем.

Под маской циничного богача скрывалось нечто темное, необузданное. И это манило.

Я невольно сжала ноги, остро почувствовав пробуждающееся возбуждение. Тело предательски откликалось на одни лишь мысли о нем.

Романов смотрел на меня хитро, с прищуром. В его глазах играли черти.

– Когда приступим?

Я моргнула, не сразу сообразив, к чему именно он предлагал приступить.

– Пора бы уже начинать, вам так не кажется, Маргарита Анатольевна?

Его голос прозвучал так нагло, так вызывающе, как будто задержка на час была не по его вине, а по моей.

Как будто это я должна была извиняться за то, что он опоздал. Как будто я тянула время, наслаждаясь возможностью просто смотреть на него.

И, что самое страшное, в этом наглom вопросе была доля правды.

К офису подошел Дима. Помявшись у порога, тихо постучал, словно боялся нарушить хрупкую тишину, повисшую в кабинете.

– Рита, можно поприсутствовать? – голос его звучал осторожно, даже как будто виновато.

– Я... хочу быть в курсе.

Я посмотрела на него внимательно. В его глазах не было ни тени лукавства, лишь тревога и искреннее желание помочь брату.

Доверять Диме можно было тотально. Он сам привез Романа, был заинтересован в исходе дела, как никто другой.

Кроме того, его спокойствие, его рассудительность действовали на меня успокаивающе. И, кажется, на брата тоже.

– Конечно, Дима, проходи, – ответила я, отгоняя прочь остатки сомнений.

Я ввела его в курс дела, стараясь говорить как можно более четко и профессионально, опуская лишь некоторые моменты.

Дима слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Роман молчал, как будто думал вообще о чем-то другом.

Мы проработали полдня, анализируя документы, выстраивая линию защиты, просчитывая возможные варианты развития событий. К вечеру, наконец, решили, что пора ехать на встречу со стороной обвинения.

Мое внутреннее сопротивление нарастало с каждой минутой.

– Рита, у тебя все еще нет машины? – поинтересовался Дима. Я не удивилась, ведь он был в курсе. – Поехали с нами.

Ехать с ними в одной машине было смерти подобно. Я боялась, что не смогу скрыть своих эмоций, что любое неосторожное движение, любой взгляд выдаст меня.

– Я поеду на такси, – твердо заявила я. – Встретимся там.

Роман бросил на меня быстрый, изучающий взгляд. В его глазах мелькнула тень подозрения.

– Как скажешь, – ответил сухо Дима. И осуждающе зыркнул на брата. Подозревал, что он – причина моего отказа.

Всю дорогу меня преследовало ощущение чьего-то взгляда. Словно кто-то наблюдал за мной, не отрываясь.

Мои подозрения оказались вполне обоснованными. Я посмотрела в зеркало заднего вида и заметила неприметную “Тойоту” с тонированными стеклами. Она держалась на расстоянии, но не отставала ни на шаг.

– Вы не могли бы немного изменить маршрут? – попросила я водителя. – Проехать по каким-нибудь улочкам?

Он пожал плечами, но повиновался. “Тойота” пропала из виду, но тревожное чувство осталось и не покидало.

Встреча со стороной обвинения прошла на удивление спокойно. Романов держался хорошо, почти не говоря ни слова. Что, учитывая его особенности, вызывало даже больше тревоги, чем если бы он вел себя как придурок.

Когда мы вышли из здания, я снова увидела ту самую Toyota. Она стояла чуть поодаль, словно поджидая нас.

Я остановилась и замерла, не в силах совладать с собой. Напряжение достигло критической точки.

Романов заметил мое состояние. Нахмурился, огляделся вокруг.

– Изумрудик? – позвал он, подходя ближе. – Все в порядке?

К нам подъехала машина, за рулем Дима.

– Может, все-таки поедешь с нами? – предложил Романов, и в его голосе я впервые услышала нотки искреннего беспокойства.

Этот вопрос застал меня врасплох.

Отказать? Значит, возможно подвергнуть себя риску.

Согласиться? Значит, оказаться в непосредственной близости от него, в полной власти своих запретных желаний...

– Хорошо, – выдохнула я. В конце концов, его близость не грозит мне ничем... кроме очередных оргазмов, подпитанных фантазиями.

Взгляд Романа стал еще более напряженным. Словно мое согласие стало для него неожиданностью.

Он что-то почувствовал. И, прежде чем сесть в машину, снова огляделся.

10

Я захлопнула дверцу машины, а Роман повернулся ко мне с пассажирского сидения и промурлыкал:

– Изумрудик, чего ты так испугалась?

Инстинктивно оглянувшись, я увидела, как серая “Тойота”, едва мы тронулись, тут же нагло пристроилась за нами.

Сердце бешено колотилось, а в голове звенела лишь одна мысль: бежать.

– Дима! – взвизгнула я, не контролируя дрожь в голосе. – Жми на газ! Быстрее!

Дима, не задавая лишних вопросов, вдавил педаль в пол, и машина, взревев мотором, сорвалась с места.

– Мы от этой... от серой “тойоты” удираем? – уточнил он, сосредоточенно глядя на дорогу.

– Да! Да! От неё! Она ещё с офиса за мной тащится. И, кажется, сегодня утром тоже видела её... Но не уверена...

Паника душила меня, лишая возможности мыслить рационально.

В салоне повисла гнетущая тишина, которую внезапно нарушил виноватый вздох Романа.

– А, та самая серая “Тойота”? – пробормотал он, не поднимая глаз. – Эм... Не хотел говорить, но... Это мой человек.

– Что?! – этот вопль вырвался из меня и Димы одновременно.

Я впилась взглядом в Романа, не в силах поверить услышанному. Он поднял руки в примирительном жесте, словно сдаваясь.

– Да ладно тебе, – пробормотал он с напускной беспечностью. – Ну, нанял я охрану, чтобы за тобой приглядывали... волнуясь ведь.

Дима резко остановил машину прямо на обочине. Мимо с ревом проносились грузовики, поднимая клубы пыли. Его лицо исказилось от гнева.

– Выйдем, братец, – прорычал он, поставив тачку на аварийку, и в его голосе не было ни капли шуток.

Они вышли из машины.

И Дима, уравновешенный и всегда спокойный Дима, не говоря ни слова, мгновенно нанес удар – хлесткий, профессиональный, отправленный точно в челюсть Романа.

Тот даже не попытался защититься. Он просто стоял, принимая удар, с каким-то странным смирением.

Дима был вне себя. Глаза метали молнии, на лбу проступили багровые пятна, а жилки на шее вздулись от напряжения. Он бросил короткий, обеспокоенный взгляд на меня. В его глазах читалось не только участие, но и странное, непонятное чувство вины.

– Спасибо, Дим, – прошептала я, с трудом сдерживая дрожь.

Собрав остатки самообладания, я подскочила к Роману и неуклюже ударила его кулаком в плечо. Мой удар был слабым и жалким, ничтожным по сравнению с тем, что ему отвесил брат.

– Ты скотина! – заорала я, теряя контроль. – Я чуть от страха не умерла! Не мог меня предупредить?!

– Ты не спрашивала.

– Это не так работает, козел! У тебя есть язык? Ты умеешь им пользоваться?!

– Ага, еще как...

– Агр-р-р! – я сжала кулаки и подняла глаза к небу. Пять, четыре, три, два, один... – Знаешь что?! Ты сейчас же расскажешь мне всё, до мельчайших деталей! Иначе ноги моей в суде не будет! Я передам свои полномочия Найденову и сделаю всё, чтобы тебя уpekли за решетку! Надолго!

Роман поправлял вывихнутую челюсть и с какой-то извращенной гордостью посмотрел на брата.

– Удар заебись, – похвалил он, сплевывая кровь. – Респект, братан.

Он вытер платком, извлеченным из кармана пиджака, кровь, струящуюся по подбородку.

– Ауч... – пробормотал он, а потом вдруг осознал, что от него ждут вовсе не оценки боксерских навыков брата, а внятных объяснений.

Вздыхнув, он, наконец, сдался.

– Ладно, ладно, – проговорил он примирительно. – Поехали отсюда. Не буду же я вам душу наизнанку выворачивать прямо посреди трассы.

◆◆.....◆◆.....◆◆

Мы припарковались у кофейни. От нее рукой подать до моего дома. До моего маленького мира, куда я категорически не хотела пускать мужскую энергию.

Ха, особенно сейчас!

Ведь там, на самом видном месте, на прикроватной тумбочке, красовался мой вибратор, от которого тянулся предательский провод прямо к розетке. На зарядке.

Боже, даже сама мысль о том, что они могли это увидеть повергла меня в пучину непередаваемого стыда!

В кофейне было немногочисленно. Запах свежей выпечки и кофе немного успокаивал. Роман, как истинный джентльмен (сарказм) открыл передо мной дверь, и тут же скривился.

Минут через пять он вернулся, по-прежнему держась за губу, но уже прикладывая к ней полотенце со льдом.

– Похоже, я перестарался, – виновато протянул Дима, глядя на покрасневшую кожу вокруг ссадины. – Извини.

Рома хмыкнул, опускаясь на стул.

– Не зазнавайся так, царапина, – в его голосе слышалась насмешка.

Дима усмехнулся в ответ.

– Попрошу Ренату недельку на протертый стол тебя посадить.

Рома никак не прокомментировал

Я пила свой латте, наблюдая за этой словесной перепалкой. Рената... Да она в своей шикарной кухне дальше кофемашины и холодильника со льдом ничего не знает. И как эта кофемашина обслуживается, понятия не имеет.

Взгляд задержался на лице Ромы. Действительно, красивое... Жаль только, что чуть подпорчено. А вообще, нет совсем его не жаль! Заслужил.

Хотя... может, чуточку и жаль. Совсем чуть-чуть...

– Так, Романов, смотри мне в глаза и рассказывай правду. Всю правду. Иначе, клянусь, я... я просто тебя закопаю. И не только тебя, но и твою репутацию! – произнесла я, стараясь придать голосу максимум стали и власти.

Власть, похоже, его возбуждала. Его взгляд всегда обжигал меня в такие моменты. Неужели ему нравится, когда я... такая?

Он вздохнул, провел рукой по волосам и начал говорить.

– У меня есть подозрение... – Он замолчал, будто искал нужные слова. – Один человек... очень влиятельный. Опасный. Я не буду называть его имени. Можешь меня хоть пытаться, а лучше сразу посадить. Но ради вашей безопасности... лучше его не знать.

Я нахмурилась. Такая секретность настораживала.

– Несколько лет назад он заказал у меня украшение. Для своей... музы, как он выразился. Запросил самые редкие камни, которые только можно найти в мире. Все под грифом секретности, разумеется. Я искал, доставал. Не все, конечно, были найдены и приобретены законным путем...

Он сделал паузу, и в его глазах промелькнул какой-то странный огонек. Он начал перечислять, и я затаила дыхание.

– Редчайший бриллиант, розово-оранжевый падпараджа, даже красный берилл – его еще называют 'алым изумрудом', хотя, конечно, к изумрудам он не имеет никакого отношения...

Я слушала, завороченная. С каким обожанием, с каким упоением он говорил об этих камнях! Как горели его глаза! Не каждый мужчина о женщине так будет говорить, как Романов о драгоценностях.

Казалось, его даже не их цена манила, а... красота и их редкость, их история, их эксклюзивность. Он видел в них вовсе не кровь, что питала их историю, а как будто настоящее... искусство.

– И вот, когда все было почти готово... я просто не смог с ними расстаться, – прошептал он, словно признавался в смертном грехе.

Я вскинула брови.

– Что значит, не смог расстаться? Ты их не продал?!

– Ну, почему сразу не продал? – нахмурился он с напускной обидой в голосе. – Работа выполнена, заказчик доволен.

– Да подделал он их! – устало вздохнул Дима, потирая переносицу большим и указательным пальцами, словно у него разболелась голова от того, что брат оказался таким... одержимым камнями.

Я почему-то не сомневалась, что он их отлично подделал. Романов – искусный аферист. Подделать драгоценные камни, оказывается, для него – раз плюнуть. Вопрос был в другом: что теперь делать?

– Почему сразу не рассказал?

– Я до сих пор не уверен, что это именно он. Почерк не его. Этот тип не стал бы церемониться с тем, чтобы подделывать что-то в отместку или сажать меня за решетку... Он бы просто меня где-нибудь прикопал, – как бы между прочим констатировал он.

– Пиздец... – Дима тихо выругался, резко встал из-за стола и зашагал по кафе. Он медленно ходил взад-вперед, пытаясь успокоиться.

– К тому же, напоминаю: мои работы настолько хороши, что отличить их от настоящих может только такой же профи, как я.

Да уж, корона этому человеку точно не жмет.

– Но когда я узнал, что подделана одна из серий украшений под названием "моя муза" у меня возникли опасения... Вдруг это не просто совпадение?

– И тогда ты и отказался от моих услуг адвоката? – спросила я, зная его ответ наперед.

Романов кивнул.

– И тогда нанял для меня охрану, – констатировала я, обреченно.

У меня от страха застучали зубы. Во что я, черт возьми, вляпалась?! Зачем, зачем решила что-то доказать и сама полезла на рожон, став его адвокатом? Думала, что действовала ему назло, а теперь, оказывается, себе.

– Ненавижу тебя, – с яростью выдохнула я.

– Поверь, сейчас я тоже переживаю что-то вроде экзистенциального кризиса, – задумчиво сказал он.

К нам вернулся Дима. Кажется внешне немного успокоился, но судя по жару исходящему от него, внутренне он весь кипел.

– Кто еще знает об этом? – спросил он сразу.

– Мой лучший друг и компаньон.

Я пристально посмотрела на Романова. Обычно такие дела раскрываются уже на стадии следствия или суда, и чаще всего предаются самые близкие.

– Нет, изумрудик, – покачал он головой, – в моей сфере деятельности мы выбираем людей тщательнее, чем жен. Если ты сразу же начнешь обвинять партнера, попав в дерьмовую ситуацию, то лучше вообще не связываться с моим бизнесом.

– Тогда остается еще один вариант, – сама не верила, что произнесла это вслух, но сейчас во мне говорила не сестра, а профессионал. – Супруги часто стремятся избавиться друг от друга из-за наследства или...

– Рената? – его улыбка скептически расплылась на губах. – Ох, изумрудик, ты слишком высокого мнения о своей младшей сестренке.

Вообще-то нет. Невысокого. У нас никогда не было теплых отношений. Скорее, мы были настолько разными, что просто... терпели друг друга перед родителями. А когда их не стало, могли не общаться месяцами.

Жаль, конечно, что мы не так близки, как Дима с Ромой. Да, они тоже разные: как черное и белое, как два антипода, но они были друг за друга горой. Их что-то объединяло. И это что-то делало их сильнее.

– У меня есть одна задумка, как проверить наверняка, замешан ли этот человек в нашем деле или нет, – поделился мыслью Роман, подбрасывая четки в руке.

– Но? – спросила я, заранее предчувствуя, что мне это не понравится.

– Тебе это не понравится, – сказал он, сверкнув глазами дьявола. Клянусь, я видела в его черных почти без радужки зрачках тлеющие огоньки.

– Ты не собираешься рассказывать? – строго спросил Дима.

– Тогда это будет спойлер.

– Дим, врежь ему еще раз, – взмолилась я.

Дима хрустнул костяшками сжатых в кулаки пальцев и устало вздохнул, взглянув на часы.

– Ребят, мне не хочется нарушать вашу “идиллию”, но у меня завтра обратный вылет в Москву, который я не могу отменить.

– Важная деловая встреча? – нахмурился брат.

– Что-то вроде того... – на его лице засияли искорки, вот-вот расплывется в придурковато-то счастливой улыбке. – Но я не могу оставить вас, пока вы не пообещаете, что не перегрызете друг друга глотки.

– Среди нас лишь ты один прибегаешь к насилию, – поддел брат.

– Ты прибегаешь к насилию гораздо чаще. Моральному! – строго указал на него Дима.

– Ты мне за эти дни так мозг вы... сделал, мне теперь психолог будет приплачивать, чтобы я к нему не приходил!

– Ты все еще к нему ходишь? – удивился Роман и покачал головой.

– Рита, одна надежда на тебя, ты мозг этого... мероприятия. Пожалуйста, всё, что от меня потребуется, что угодно, – в этот момент он смотрел на меня, едва ли не умоляя, – я всегда на связи. Звони когда угодно.

Я кивнула. Знала, что он и правда не подведет. В отличие от его брата...

– А ты, – он строго вперился взглядом в Рому, – еще раз... хотя бы еще раз подведешь Риту, я не пошучу на перелет ближайшим же рейсом и, клянусь, переломаю тебе кости.

Роман инстинктивно коснулся своей челюсти и разбитой губы, а потом показал на меня указательным пальцем, заметив, с улыбкой:

– Видишь как надо угрожать, изумрудик? Ведь ни ты, не я сейчас не сомневаемся, что он реально это сделает.

11

Сон не шел.

Ворочалась в постели, чувствуя, как внутри нарастает какое-то необъяснимое, липкое ощущение страха.

В голове вертелись воспоминания о том, что рассказал Романов. О его клиенте и опасности, которой он себя обрек. И меня, получается, тоже...

Я не считала себя трусихой, но...

Впервые мне было по-настоящему жутко оставаться дома одной. Каждый скрип, каждый шорох заставлял меня вздрагивать.

Я поднялась и еще раз проверила входную дверь. Закрыта. Но мне этого было мало. Потащила к двери старый, тяжелый комод. Ножки противно скрипели по паркету, и я представляла, как меня в этот момент ненавидят все соседи снизу.

Но сейчас это было неважно. Безопасность прежде всего.

Обессиленная, вновь рухнула в кровать. Включила телефон и бездумно листала глупые короткие ролики.

Но они не отвлекали от навязчивых мыслей. Что делать дальше?

Работать. Нужно продолжать работать над защитой Ромы.

В том, в чем его обвиняют, он действительно не виновен.

Но вот то, из-за чего он вообще в эту ситуацию вляпался, – это уже совсем другая история. Опасная история.

Если он хотел оградить меня и отозвал с дела, если сказал, что нанял охрану, дежурящую у меня под окном... о чем это говорит?

Просто чувство вины? Он поступил бы так с кем угодно? Или все-таки родственные связи играют роль? Ведь я сестра его жены, как-никак.

А что если... что если я ему небезразлична?

Сама мысль об этом была опасной. Запретной. Но такой сладкой... такой манящей. Сердце предательски забилося быстрее.

Я повернулась к прикроватному столику.

Мой взгляд упал на знакомый контур моей маленькой, безотказной игрушки.

В памяти тут же всплыли слова Ромы. "Я превращу твою жизнь в ад."

И сейчас я поняла, что он имел в виду. Думать о нем, как о запретном плоде – грех... Но такой сладкий и такой манящий.

Искушение было слишком велико, чтобы ему сопротивляться.

◆●.....◆●.....◆

– Рита, Риточка, Ритуля! – истеричный голос сестры из трубки бил по ушам. – Это ужас! Пупсика моего... Рому опять забрали!

Рывком поднявшись с кровати, я с трудом пыталась сообразить, что происходит.

Заметалась по комнате, второпях натянула узкое платье и накинула пиджак.

– Рената, дыши! Что случилось? Куда забрали? За что?

Но сестра продолжала нести какую-то бессвязную чушь, щедро сдобренную рыданиями и причитаниями о бедной ее доле.

Поняв, что добиться от нее хоть какой-то вразумительной информации не представляется возможным, я сбросила звонок.

К черту! Сама разберусь.

Первым делом набрала Найденова.

– Даниил, доброе утро. Можешь узнать, пожалуйста, что случилось с Романовым? Его, со слов сестры, опять задержали.

– О-па, – сарказм так и сочился в его голосе. – А что случилось?

– Найденов, именно это я и хочу выяснить! – рыкнула я. – Действуй. Как будет информация – доложишь.

Пока коллега выяснял обстоятельства, я решила позвонить следователю Сидорову. Не испытывала ни малейшего желания слышать его противный голос, но выбора не было.

– Сидоров слушает, – прозвучал в трубке его самодовольный голос.

– Здравствуйте. Это Маргарита Анатольевна Золотова. Мне известно о задержании Романова Романа Сергеевича. Прошу предоставить информацию.

– Ах, Рита Анатольевна! Какая неожиданность! Неужели ваш подопечный опять влип? Видите ли, Рита Анатольевна, если вы не в состоянии контролировать своего клиента, вам следует более доходчиво объяснять ему его права и, что немаловажно, его обязанности по соблюдению условий освобождения под залог.

Терпение лопнуло.

У меня не было ни времени, ни желания выслушивать его нравоучения.

– Сидоров, не надо мне морали читать. Я вам не девочка из приемной, чтобы меня учить работать. Я ведь не делаю вам замечание из-за того, что вы пытаетесь самоутвердиться за мой счет. Будь сейчас на проводе человек, который может дать вам по зубам, вы бы сейчас так не скалились. Просто предоставьте мне информацию, иначе я отключаюсь и нахожу кого-то компетентнее вас!

На мгновение в трубке повисла тишина, а потом Сидоров, заметно сбавив тон, сухо доложил факты:

– Гражданин Романов Роман Сергеевич задержан за пределами города за превышение скорости. В данный момент решается вопрос о проведении оперативного заседания. Вас, кстати, там давно ждут.

Сбросила вызов.

– Черт!

Мгновенно сорвавшись с места, я помчалась вниз к такси.

Что в словах «не покидать пределы города ему было, сука, не ясно? Когда он сказал что у него есть идея, которая мне не понравится, неужели именно это он и имел в виду?!

– Вот же скотина! – ругалась я, ныряя в прокуренный салон авто и ловя себя на мысли, что пора бы поскорее забрать свой “Фольксваген” со штраф стоянки. – Вот тупица, а!

Таксист затравленно глянул на меня в зеркало, но стал приставать с разговорами.

А я судорожно листала список контактов, чтобы выяснить хоть у кого-нибудь кто и что знает.

И ненавидела Романова всеми фибрами души.

За то, что он в очередной раз впутал меня в этот хаос. За то, что трепал мои нервы.

И, самое главное, за то, что каким-то непостижимым образом пробрался в мои мысли и не желал оттуда уходить.

◆●.....◆●.....◆●

Используя все свои связи и знания, я наконец-то добилась короткой встречи с Романом.

Резко открыв дверь в комнату для свиданий, где скучал охранник с равнодушным лицом, я рыкнула на него:

– Выйди!

Он, опешив от такой наглости, но когда я представилась и сказала что я адвокат Романова, он медленно покинул помещение.

Подлетев к Роману, я влепила ему звонкую пощечину.

– Превышение скорости? Seriously? Ты, блядь, совсем не в себе!? – прошипела я, с трудом сдерживая ярость. – У тебя минута, чтобы объясниться, сукин ты сын!

Романов резко зажал мне рот рукой.

– Тихо! – спокойно произнес он, глядя мне в глаза. – Я ездил к той самой музе, помнишь? И я не виноват, что она живет черти где... Эта поездочка вообще могла оказаться в один конец...

Он пристально оглядел меня, словно оценивая. Увидев, как сходит вся моя злость и спесь, дьявольски улыбнулся.

– И я рад тебя видеть, изумрудик. А теперь иди и делай свою работу. Ты умеешь это лучше всех тут взятых.

Он отпустил меня за секунду до того, как в комнату ворвались судебные приставы, чтобы препроводить его в зал суда.

Я шла за ним следом, чувствуя его уверенность и наглость в каждом движении. Сволочь был хоть слегка потрепанный, и щека после пощечины покраснела, но, черт возьми, выглядел победителем в этой жизни.

В зале суда мое внимание привлекла Рената. Боже, какой испанский стыд!

Она выглядела как богемная дама, совершенно не понимающая, куда попала и как нужно одеваться для судебного заседания. Яркий макияж, короткое блестящее платье и туфли на невысимо высокой платформе – словно она перепутала суд с ночным клубом. Она казалась инородным телом в этом сером, официальном зале.

Сражаясь с желанием закатить глаза, я сосредоточилась на предстоящем заседании. Мне предстояло узнать как именно накажут Романова на этот раз и о какой сумме теперь будет идти речь.

Но несмотря на сосредоточенность в зале, из головы не выходила его выходка, и мои собственные противоречивые чувства.

Мне не хотелось признавать, но его слова о «поездке в один конец» не выходили у меня из головы. Что-то в его тоне, в его взгляде говорило о том, что он действительно рисковал жизнью.

В зале воцарилась тишина, и судья объявил о начале заседания. Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями. Пришло время приступить к работе. Работе, которую я умела лучше всех.

Рома положился на меня. И я не собиралась его подводить, даже если мне придется продать душу дьяволу. Особенно если этот дьявол стоит сейчас за моей спиной, слегка улыбаясь и наблюдая за мной своими пронзительными глазами.

12

– ... таким образом, суд постановляет: обвиняемый Романов Роман Сергеевич помещается под домашний арест по месту прописки сроком на три месяца. В течение этого времени ему запрещается покидать пределы указанного места без разрешения суда.

В случае нарушения условий домашнего ареста, обвиняемому грозит более строгая мера пресечения, вплоть до заключения под стражу. Также такие действия могут негативно сказаться на итогах судебного разбирательства и повлиять на вынесение приговора...

Дальше я не слушала. Голос судьи растворился в нарастающем гуле в ушах.

О, нет, нет, нет! Только не это!

Стук молотка вывел меня из оцепенения. Голоса кругом словно рой пчел. И сердце колотало в районе горла.

И этот взгляд! О, он способен пробирать до мурашек: два тлеющих уголька с поволокой похоти.

– О, пупсик, как же так? – верещала моя сестра, оказавшись прямо за нами. – Ты же до сих пор прописан в нашей старой квартире, а там сейчас Рита живет!

Как будто он этого не знает! Он же это спланировал. Обещал превратить мою жизнь в ад. И вот: действие первое.

Он повернулся ко мне с торжествующей улыбкой, наслаждаясь своей мерзкой победой и сладко протянул:

– Ну что, соседка? Поехали домой.

Ничего не ответила.

Оцепенение. Вот слово, которое наиболее точно описывало мое состояние.

Стояла, словно парализованная, наблюдая, как полицейские уводят Романова прочь, и ненависть, густая и едкая, словно кислота, разъедала меня изнутри.

Ненавижу! Каждой клеткой своего тела, каждой фиброй души – ненавижу!

Я могу подать апелляцию. Подготовлю ее как можно скорее, тщательно и с убедительными аргументами. И обязательно указать этот абсурд – адвокат подсудимого проживает с подзащитным под одной крышей. Это же нонсенс!

Ситуация, несовместимая с профессиональной этикой и эффективной работой! Как так-то получилось...

Боже! Романов в моей квартире!

Еще одна мысль – выписать его. Задним числом, подкупить кого-нибудь, сфальсифицировать документы. Что угодно, лишь бы избежать этого кошмара, этой нелепой, возмутительной ситуации.

Как, черт возьми, этот гад умудрился до сих пор оставаться прописанным в моей старой квартире, квартире моих родителей? Однажды они помогли ему еще на этапе подготовки к свадьбе с Ренатой, даже не помню зачем это было нужно, но почему-то... нужно!

Ха! Для этого... именно этого момента!

Почему я не спохватилась раньше? Почему не вычеркнула его из своей жизни раз и навсегда? У него же есть все возможности для того, чтобы жить где угодно! Почему, почему именно ко мне он должен прицепиться, словно клещ?

Безумная, отчаянная мысль – сбежать самой. Бросить все, махнуть рукой на эту абсурдную ситуацию и уехать куда подальше. Залечь на дно, переждать бурю.

Но... нет. Этот вариант даже не рассматривался. Я больше года вкладывала душу и деньги в этот ремонт. Каждая деталь, каждый элемент интерьера – все было продумано до мелочей, создано с любовью и заботой. Мой дом, моя крепость, мое личное пространство. И что? Отдать его, все это, этому... этому паразиту? Никогда!

В вихре этих размышлений я совсем забыла о Ренате. О своей “дражайшей” сестрице, которая, вполне вероятно, вознамерится приехать и разделить со своим мужем его незавидную участь. Вот уж чего я точно не переживу!

Совместное проживание с Ренатой и ее дьяволом мужем – это верная дорога в психушку. Я приехала на такси раньше полиции.

Когда машина остановилась у подъезда, вывели только Романова. Ренаты рядом не было. Недалеко стоял “Майбах”, и из него вышел англоговорящий водитель. Он катил два огромных черных чемодана.

Успел, видать, собраться, сволочь! Как будто предвидел такой исход. Или у него всегда всё наготове, учитывая его род деятельности и сомнительную репутацию?

Я оглядывалась по сторонам, подсознательно ожидая увидеть сестру. Глупая, наивная надежда – вдруг она не явится, как преданная жена декабриста, добровольно отправляющаяся в сибирскую ссылку вслед за любимым мужем.

Рома, усмехнувшись, прервал мои поиски:

– Не жди сестричку. Она уже дома, в особняке, созывает очередную вечеринку.

Это на нее... чертовски похоже.

– Я думала, она, как верная жена, приедет разделить твою участь...

– Я же говорю, ты слишком высокого мнения о собственной сестре. Да и о людях в целом.

Его слова меня задели. Хотя, он прав. Как всегда. Я слишком доверчива, слишком оптимистична. И слишком часто разочаровываюсь в людях.

В квартире двое мужчин в штатском надели на его ногу электронный браслет – устройство слежения.

Романов, с невозмутимым видом, подписал какие-то бумаги, и представители правосудия, исполнив свой долг, покинули квартиру.

Мы остались одни.

И тут... словно пелена спала с глаз. До меня дошло.

Дошло, что происходит. Я буду жить с ним. В одной квартире. В МОЕЙ квартире! В квартире, в которой после окончания ремонта еще не ступала нога ни одного мужчины.

И гнев, всепоглощающий, испепеляющий гнев, вновь захлестнул меня с головой.

Романов, тем временем, осматривался, словно гость, впервые попавший в мои апартаменты. Сделал несколько шагов по гостиной, оценивающе окинул взглядом стены, мебель.

И, обернувшись ко мне с невинным выражением лица, произнес:

– Ну что ж... проведешь экскурсию?

13

Едва сдержавшись, чтобы не сорваться на крик, процедила сквозь зубы:

– Я с... с тобой больше не разговариваю, скотина!

И, резко развернувшись, скрылась в ванной.

Нужно умыться. Привести себя в порядок. Хоть немного очнуться и осознать весь абсурд происходящего.

Подумать, в конце концов, что можно еще сделать. Как извернуться, чтобы его здесь не было. Чтобы он исчез из моей жизни, как страшный сон.

А потом, словно обухом по голове, ударила другая мысль. Страшный сон... сон!

Две предыдущие ночи! Боже, как стыдно! Ведь я мечтала... Грезилась о том, чтобы он был здесь. Рядом. Чтобы он осуществил все мои самые смелые фантазии. Чтобы именно он все их воплотил в реальность.

Кто там говорит, что мечты не сбываются? Мои вот, пожалуйста, сбылись. Домечталась!

И тут же меня обожгло новым приступом стыда.

Убегая из дома, я оставила неприбранной постель.

И... и там лежал он. Мой верный друг в одинокие ночи. Секс-игрушка!

И если этот гад надумает устроить ознакомительную экскурсию по квартире, он ее увидит!

Выскочила из ванной, как ошпаренная кипятком.

Романов, словно у себя дома, вальяжно развалился на диване и бесцельно переключал каналы. Не глядя на меня, спокойно сообщил:

– У тебя тут интернет не настроен. И вообще, все приложения устарели. Дремучий лес.

Прокравшись мимо гостиной и его огромных чемоданов, прошмыгнула в свою спальню. Лихорадочно огляделась, нашла "друга", который валялся прямо на самом видном месте и запихнула его в дальний угол тумбочки.

Заправила постель, тщательно расправив каждую складку. Стараясь не выдать своего волнения, вышла обратно в коридор.

В дверном проеме стоял он. Смотрел на меня с каким-то странным выражением. Пыталась понять по его лицу, был он в спальне или нет.

Откашлявшись, постаралась придать голосу строгий, непреклонный тон:

– Спальня – это моя территория. И чтобы ты туда не заходил. Никогда. И даже не заглядывал.

Он не удостоил меня и взглядом, развернулся и пошел обратно в гостинную. словно невзначай, бросил:

– Поздно. Я уже осмотрелся, – а потом обернулся и посмотрел на меня. Не просто посмотрел, а... пронзил взглядом. Взглядом, в котором смешались насмешка, всезнание и... нечто еще. – И твоего маленького друга тоже видел.

Меня бросило в жар. Я готова была провалиться сквозь землю от стыда и унижения.

– О боже...

Что сказать? Как себя вести? Накричать на Романова, выплеснуть всю накопившуюся злость и раздражение? Или сделать вид, что я взрослая, самодостаточная женщина, имеющая полное право решать, как ей расслабляться по ночам?

Боже, как это унижительно! Щеки горели, а язык словно прилип к небу. Романов, как всегда, был непроницаем.

Его взгляд, скользнувший по мне, был полон ехидства и насмешки. Он едва сдерживал улыбку, и я чувствовала, что смеется он не столько над самим фактом наличия у меня секс-игрушки, сколько над моей реакцией.

Он наслаждался моим смятением, подливая масла в огонь своим нарочитым спокойствием и бесцеремонностью. Казалось, он специально делает все, чтобы вогнать меня в краску.

Медленно, с каким-то странным, оценивающим видом он оглядел гостиную.

Его взгляд задержался на диване, будто прикидывая, поместится ли он здесь.

– Раз уж спальня – твоя территория, изумрудик, – произнес он небрежно, словно мы договаривались об этом всю жизнь, – придется устроиться на диване.

И, не дожидаясь моего ответа, он принялся раскрывать один из своих чемоданов.

Это было последней каплей. Меня затрясло от злости.

Он ведет себя как дома! В моей квартире!

А ведь это была моя крепость, мое личное пространство, куда я так долго никого не пускала.

Я ничего не сказала.

Молча наблюдала, как он достает свои вещи, раскладывает их на спинке дивана, словно помечая территорию.

Сама виновата!

Надо было выписать его из квартиры сразу после оформления наследства.

Но я побоялась. Побоялась лишний раз ему звонить, вообще о нем вспоминать. Все откладывала на потом. И вот, Рита, пожинаешь плоды своего "потом".

Я ненавидела себя за эту слабость, за этот страх.

Почему я позволяю ему так себя вести? Почему не могу просто поставить его на место?

Глядя на него, копающегося в своих вещах, я понимала, что цена моей беспечности слишком высока.

Я не хочу быть жертвой. Я должна взять ситуацию под контроль, пока еще не поздно.

Но как? Как избавиться от этого унижительного чувства стыда и страха, которое он так умело во мне культивировал?

Я чувствовала, как внутри меня зреет буря. Буря, которая вот-вот вырвется наружу.

И я понимала, что если я сейчас же не остановлю его, то он просто раздавит меня, настоящему превратит мою жизнь в ад.

Хватит! Хватит прятаться, бояться, краснеть.

Я больше не позволю ему играть со мной, как с марионеткой.

Переборов себя, я выпрямилась, расправила плечи и посмотрела на Романова сверху вниз.

Если ему нравится, когда я властная, когда я веду себя как госпожа, то я сыграю эту роль.

Кашлянула. Коротко и резко, чтобы привлечь его внимание.

– Романов, – мой голос прозвучал неожиданно твердо, словно я репетировала эту речь тысячу раз. – Раз уж ты здесь, в моем доме, ты будешь соблюдать мои правила. Это не отель, это моя частная территория, и здесь действуют МОИ законы.

Он замер, держа в руках свернутую рубашку. В его глазах вспыхнул какой-то странный огонь. Восторг? Удивление? Или просто любопытство? Какая разница. Я должна быть сильной. Сейчас.

– Правило первое, – продолжила я, стараясь не дрожать голосом. – Не трогать мои вещи без разрешения. Никогда. Даже если тебе кажется, что ты делаешь мне одолжение.

Я почувствовала, как щеки снова начинают гореть, но усилием воли подавила этот стыд. Он – играет со мной. Я – играю с ним.

– Правило второе. Порядок. Никакого сра́ча. Я имею право жить спокойно в своем собственном доме. В чистоте. Никаких носков, потных рубашек, кусков пиццы на столе и поднятых стульчаков.

Романов молчал, внимательно наблюдая за мной, как хищник за добычей. Его взгляд прожигал меня насквозь, но я не отводила глаз.

– Правило третье. Никаких комментариев или попыток залезть в мою личную жизнь. Ни осуждений, ни комплиментов, ни вопросов. Это не твоего ума дело. Я живу так, как считаю нужным, и ты не имеешь права меня судить.

В его глазах плясали чертики. Он явно наслаждался этой игрой. Но я не собиралась уступать.

– Правило четвертое. Никаких вечеринок в моем доме. Все встречи только с моего разрешения. Никакого табака и прочей дури. И главное – никаких девочек!

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце. Еще одно правило, самое главное.

– И последнее, Романов. Правило номер пять. Никаких попыток сблизиться. Ни физически, ни эмоционально. Мы – адвокат и клиент, вынужденные жить под одной крышей. И ничего больше.

Я выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно покидает мое тело. Произнесла свои правила, словно адвокат зачитывает приговор. Чётко, хлестко, без единой запинки. Пусть знает свое место.

Романов все это время молчал, словно зачарованный.

Его глаза горели каким-то нездоровым огнем, в них плескалось восхищение и... желание? Он смотрел на меня так, словно видел впервые, словно я была для него новым, неизведанным миром.

Когда я закончила говорить и сделала еще один глубокий вдох, в комнате повисла тишина.

Он медленно оглядел меня с ног до головы жарким, опаляющим взглядом, и прошептал хриплым голосом:

– Изумрудик... Ты так хороша в этом... Я заслушался. Чуть не кончил.

Я вздрогнула от его слов, но постаралась не подавать виду. Он снова пытается вывести меня из равновесия. Не выйдет.

– Считай, что это предупреждение, – ответила я, стараясь сохранить спокойствие. – Нарушишь хотя бы одно из правил – я подаю апелляцию, и дальше ты живешь за решеткой, ожидая решения суда. Всё ясно?

Он усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Кажется, я немного убедила его, что не шучу.

– Как скажешь, Рита, – проговорил он, подчеркнув мое имя с каким-то особым сладострастием. О, и снова эта буква “р”, произнесенная с нарочитым рычанием. – Я буду образцовым жильцом. Честное слово.

Я не поверила ни единому слову.

14

С яростью развернувшись, я быстрым шагом направилась к себе в комнату. Захлопнула за собой дверь, прислонилась к ней спиной, чувствуя, как дрожь мелкой рябью пробегает по телу.

Мне срочно нужна поддержка. Успокоение. И я знала, где его найти.

С дрожащими пальцами набрала номер... Димы.

Почему-то именно он, а не кто-либо другой, казался мне сейчас единственным человеком, способным понять и поддержать.

Словно он – тот самый папочка, к которому можно прийти и поплакаться в плечо, пожаловаться на плохого дядю.

Он уже однажды заступился за меня. Дал Роману по лицу за то, что тот так со мной обращался и напугал до смерти своей слежкой.

Я была уверена, что он будет полностью на моей стороне.

Длинные гудки ожидания казались вечностью. Наконец, в трубке раздался его теплый, успокаивающий голос.

– Да, Ритуль?

Ого! Даже так? Приятно.

– Дим... там это... Рома... – слова давались с трудом, горло сдавило спазмом.

– Что на этот раз? – в его голосе зазвучали обреченные нотки.

– Роман... Он как бы это сказать... он поселился у меня.

– Что?!

– Он просто... Ездил кое с кем встретиться... Ну, к той самой мұзе... И она в другом городе...

– И он нарушил условия освобождения под залог, – закончил Дима, устало вздохнув. – А прописан у тебя?

– Да! – чуть не рыдая сообщила я.

– А как суд допустил такое? Ты же его адвокат.

– Нигде не прописано, что это запрещено, и, по идее, я могу обжаловать это решение, но... Я боюсь, что он еще что-нибудь выкинет. Что-то такое, после чего я уже не смогу его защитить... А это совершенно точно закопает мою карьеру.

На том конце связи донеслось тихое чертыхание:

– Вот же сукин сын...

Я почувствовала, как на глаза начали наворачиваться слезы. Все, это край! Давно не плакала. Не помню, когда в последний раз. Старалась быть сильной, держаться, но эмоции взяли верх. Обида, страх и бессилие захлестнули меня.

– Ну-ну, Рит, не плачь. Все будет хорошо. Он ничего тебе не сделает, я тебе обещаю. Ты же мне веришь? Ты главное – не спускай ему это с рук. Не позволяй себя запугивать. Ты сильная, Рит, ты справишься. Я даже не знаю такой женщины, которая была бы способна ему противостоять так, как это можешь сделать ты. А если что – звони мне в любое время дня и ночи. Я всегда буду на твоей стороне. Ты знаешь это.

От его слов стало так тепло, и даже немного легче. Как же повезло его девушке!

– Если тебе нужны советы, как найти его слабые места, дай знать, – с легкой усмешкой сказал он. – Я за тридцать пять лет усовершенствовал эти навыки, работают безотказно.

– Спасибо, Дим.

– Рита, я всё понимаю, что тебе с ним непросто... Ему точно нельзя никуда выходить? Господи, я могу со своей стороны предложить тебе снять жилье, пока он у тебя под домашним арестом... – его голос звучал и сочувствующе, и сердито.

– Спасибо, но я никуда не поеду. Я не отдам ему свою квартиру в полное распоряжение, я тут каждый плинтус, каждую заглушку на шкафах выстрадала.

– Тогда дам тебе совет, пожалуй, самый главный: не пытайся с ним бороться. Объявишь войну – и ты только разожжешь его интерес. Чем больше ты сопротивляешься, тем сильнее он заинтригован.

Черт, именно это я и хотела – объявить ему войну.

– Тогда что мне делать?

– Подружись с ним.

– Что?! Нет!

– Понимаю, что сейчас не лучшее время и что ты злишься, но... Если ты не хочешь проблем, а он их с удовольствием тебе создаст, стань его другом.

– Единственное, кем я ему хочу стать, – судмедэкспертом, сообщившим всем вокруг, что он не дышит! – шипела я. Но потом опомнилась, что говорю это его родному брату-близнецу, и смягчила тон. – Уж прости.

Он тихо усмехнулся, кажется, не злился на меня за эти слова.

– Есть и второй вариант, но ТЕБЕ я его предлагать не буду.

Интересно, что бы это могло значить?

– Какой?

Я даже о слезах забыла, мне стало безумно интересно.

– Эмм... – он тихо откашлялся в сторону, – давай ты попробуешь первый вариант, а если не выйдет, а я уверен, что выйдет, я расскажу тебе про второй вариант.

– Дима, ну зачем так? – я упрекнула его с улыбкой сквозь слезы. – Теперь я хочу знать, что за второй вариант и почему именно мне нельзя о нем рассказывать.

– В этом и смысл – ты больше не грустишь.

– А ты еще тот жук, – улыбнулась я.

– Удачи, Рит. И, пожалуйста, если что-то будет нужно, что угодно – звони.

– Поняла, – улыбнулась я сквозь слезы. – Спасибо, Дим. Правда, спасибо.

Сбросив звонок, почувствовала прилив новых сил. Дима был прав. Я должна показать Романову, что он меня не сломает. И я это сделаю.

Второй звонок был спонтанным. Сестре. Ренате.

Хотела понять, почему она даже не звонит, разве не переживает, что ее муж будет жить под одной крышей с другой женщиной?

На фоне услышала громкую музыку, смех, крики. У сестры очередная вечеринка. Слышались всплески воды в бассейне.

– Рен? Это я, – произнесла я, стараясь перекрычать шум.

– Ой, Ритуль, привет. Извини, что не звонила. Тут у нас... небольшое мероприятие.

В ее голосе чувствовалось легкое опьянение и полнейшее безразличие.

– Я понимаю. Просто хотела спросить... ты точно в курсе, что твой муж теперь живет у меня?

– Да, это вообще прикол!

Прикол? Прикол?! Она что, совсем гашенная?

– Кстати, передай ему привет. Скажи, что я скучаю.

– Рената! Ты серьезно? Тебя не волнует, что твой муж будет жить с другой женщиной?

– Да ладно тебе, систер. Он же не с рандомной бабой живет, а с тобой. Что может случиться? Он же не собирается тебя... пф, трахнуть!

Вот сейчас даже немного обидно стало. Я не знала, что и сказать. Неужели сама вероятность этого казалась для сестры абсурдной?

– Слушай, я сейчас очень занята, – заплетающимся языком сообщила сестра. – Приехать не могу. Передай моему пупсику, что я завтра, может быть, заеду. Ладно? Пока.

Она сбросила звонок. Я тупо смотрела в трубку, не понимая, что происходит.

"Может быть, заедет". Что за странные отношения у них? Какое-то показное, не искреннее веселье на фоне абсолютного равнодушия. Она точно моя сестра?

Почему они с Романовым вместе? Как они могли так долго терпеть друг друга? И как можно оскорблять институт брака подобными отношениями? Это же сюр какой-то...

15

Я решила, что оставаться сейчас дома – непозволительная роскошь.

Слишком много стресса, слишком много тестостерона на один квадратный метр моей любимой, пусть и лишенной девственности квартиры.

Сбросив с себя строгое официальное платье, я решительно направилась к шкафу.

Переоделась в свое самое боевое платье – облегающее, черное, с открытой спиной.

Надела чулки с кружевной резинкой, которые так приятно щекотали кожу. Волосы распустила из тугого хвоста, позволяя им волной рассыпаться по плечам. Макияж – ярче обычного, каблуки – выше, сумочка – маленькая, но дорогая. Я должна сиять.

Прошмыгнув в гостиную в поисках своих духов, я параллельно разговаривала с Анькой.

Старалась говорить завуалированно, чтобы Романов подумал, что я говорю с мужчиной. Пусть думает, что я живу своей лучшей жизнью.

Он сидел у телевизора, что-то настраивал, делал вид, что очень занят. Я чувствовала его взгляд на себе, но старалась не обращать внимания.

– Да, да, я понимаю, что сегодня, пятница вечер, можем не найти столик... Ну, постарайся, котик, у тебя же повсюду связи, – говорила я в телефон, прижимая его к уху плечом. – Я уже выезжаю. Буду в самом боевом. Мне нужно срочно снять напряжение.

Романов зыркнул на меня подозрительно и показал на спальню, мол, там же у тебя вроде как есть чем его снять... Я отмахнулась от него, как от назойливого... кота.

Он явно не ожидал такого отношения к собственной персоне.

Самодовольная улыбка тронула мои губы. Пусть думает, что хочет.

Довольная собой, я подцепила со стола ключи. Бросив взгляд на совершенно пустой холодильник, я с улыбкой обратилась к Романову:

– Есть захочешь – телефон есть, деньги есть, смекалки так вообще завались. Англоговорящий раб тоже есть – разберешься.

И, цокая каблучками, убежала, оставив его сидеть и смотреть мне вслед с открытым ртом.

Я чувствовала, как он провожает меня совершенно обалдевшим взглядом.

Никогда раньше он не видел меня в таком откровенном наряде. И, кажется, это произвело на него впечатление.

Спустившись вниз, я подошла к серой “Тойоте”, припаркованной у подъезда. Постучала в окно. Грозного вида тип в черных очках приспустил стекло.

– Добрый вечер, я Маргарита. Но вы, наверняка, это и так знаете. Раз уж вы все равно за мной поедете, то я решила не вызывать такси и не тратить деньги. Сами меня отвезете, – заявила я, не дожидаясь его ответа.

И, открыв дверцу, села в машину и захлопнула ее с довольным видом.

Мужчина ничего не сказал, только спросил адрес, вбил в навигатор и тронулся.

Пока мне нравится, как я справилась с совместным проживанием.

Оставила Романова одного дома, как кота.

Огромного, самоуверенного такого кота. Которому, кажется, сегодня не достанется сметаны.

◆●.....●◆●.....●◆

Вошла в “Арку” как в родной дом.

Здесь всегда витал аромат свежемолотого кофе и изысканной кухни, а официанты с улыбкой встречали каждого посетителя, словно ждали именно тебя.

Автоматически взяла свой обычный салат со стрателлой, но вдруг осознала: с самого утра в рот ничего не брала.

– Наверное, кусочек рыбы на гриле не помешает, – попросила я, усаживаясь поудобнее за столиком, где меня уже ждала Аня.

– Ты такая взвинченная, рассказывай! – потерла ладонями подруга.

– Ты не поверишь, – начала я, как только пригубила вино. – Романов... Он просто поселился у меня! Представляешь, как ни в чем не бывало ходит по моей квартире, как будто так и надо!

Аня округлила глаза.

– Как это поселился?

Я коротко рассказала о решении суда. Старалась говорить спокойно, хотя внутри кипела злость. С трудом сдерживалась, чтобы не использовать крепкие выражения.

– Он что, до сих пор у тебя прописан?

– Уже несколько часов к ряду посыпаю себе голову пеплом за этот проёб... – вздохнула я, покрутив в пальцах ножку бокала. Напиться, что ли?

– Тебе придется жить еще и с Ренатой... Бедняжка.

– Да в том-то и дело, что она даже не приехала! – отмахнулась я. – Вечеринку сразу же дома закатали. Без мужа. Видимо, на радостях. Я вообще не понимаю, что у них за отношения такие.

Я опрокинула бокал вина.

– Все, надоело мне думать об этом мерзавце! Давай лучше отдохнем.

Но Аня не унималась.

– Слушай, а тебе не кажется это странным? Романов не просто так оказался именно у тебя. И если он такой же красавчик, как его брат, я бы не смогла с таким мужиком под одной крышей жить. И что, он даже не пристаёт к тебе?

Я фыркнула:

– Да нет, он умеет достать и на расстоянии. Как смотрит, как говорит, как манипулирует... Опасный гаденыш, как будто знает все твои ходы наперед, и он меня жутко бесит!

Аня прервала меня, прищурившись:

– Походу, ты его пиздец как хочешь!

– Что?! Нет!

– Я тебя такой возбужденной давно не видела. Обычно мужики на тебя навевают одну скуку.

Не успела я возразить, как к нашему столику подошли двое мужчин лет сорока в костюмах.

Видимо, после работы решили снять стресс, пропустив по бокальчику и, может быть, приударить за кем-нибудь.

Но я быстро отметила: у одного на пальце виден след от кольца, а у второго красовался свежий засос на шее.

Я сразу отбросила любые мысли о ночных приключениях. Кувыркаться с ними точно не хотелось, но вот выпить за их счет и весело провести время – это вполне.

Аня лучезарно улыбнулась мужчинам. Кажется, ей они, наоборот, понравились.

– Добрый вечер, дамы! Не хотите ли составить нам компанию? – пробасил один, с засосом на шее, а второй, с отпечатком кольца на пальце, зазывно подмигнул.

Мы переглянулись с Аней.

– Почему бы и нет? – пожала плечами я.

Вечер обещал быть интересным.

Особенно, его продолжение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.